

ПЕРМСКИЕ ПОЛЯКИ

ПЕРМСКИЕ ПОЛЯКИ

ПЕРМЬ 2001

ББК 63.3(235.55)
УДК 947
П 27

ПЕРМСКИЕ ПОЛЯКИ

Издатель – ООО «Раритет-Пермь» (Лицензия серии ИД № 00820).

Эта книга – сборник статей о наиболее ярких представителях польской диаспоры, волею судьбы заброшенных в Пермь и оставивших заметный след в культурной и общественной жизни Прикамья.

ISBN 5-93785-008-4

© ООО «Раритет-Пермь», дизайн, 2001

ЗЕРНА ДОБРА

нига, подготовленная нами к печати, достаточно необычна. Это сборник очерков о замечательных деятелях прошлого, о людях, которых объединяет то, что они оставили заметный след в истории Перми, а также то, что все они были польского происхождения. Отец Сцегенный и святой Рафаил Калиновский, архитекторы Карвовский и Турчевич-Глумов, просветитель Пиотровский, музыканты Винарский и Терпиловский...

Наверное, их можно называть по-разному: кого-то – пермскими поляками, кого-то – польскими пермяками, в зависимости от того, кто сколько прожил на Пермской земле. Попадая в суровые условия чужого поначалу места, каждый из них проявил большую силу духа и, несмотря ни на какие невзгоды и испытания, жил с верой в душе, стремился делать добрые дела окружающим их людям.

Для первого выпуска о пермяках-поляках мы выбрали самых заметных людей, но их было, конечно, гораздо больше – тех, кто достоин нашей памяти, нашего внимания.

Признаться, каждый раз, когда после отпуска возвращаюсь из родной Польши в Пермь, я ощущаю в душе какое-то беспокойство, холодок: не произошло ли чего-нибудь, как пойдет дело дальше. Все-таки это чувство возникает, хотя с ним соседствует уже и радость от того, что увижусь с моими прихожанами, с людьми, которых успел полюбить. Восемь лет я уже служу в Перми...

Перед тем, как приехать в Пермь, я думал, что это обычный город, что меня ждет обычная, знакомая уже мне работа. Но здесь ничего не было – ни общины, ни церкви, ни квартиры для священника. Все надо было начинать с нуля...

За прошедшие годы сделано немало, хотя трудности преодолены еще не все. Во время поездок на родину я читаю проповеди в польских

Настоятель отец Анджей со своими молодыми помощниками.

костелах, рассказываю о жизни Пермского прихода, собираю пожертвования. Средств не хватает, и все, что удастся сделать, – сделано на добровольные пожертвования...

Когда я приехал в Пермь, то мы начинали работу по двум направлениям: возрождение храма и наведение порядка на католическом участке кладбища. Есть в Перми место, где каждый метр, каждый камень дышит историей, напоминает о пережитом, – это старинный Егошихинский некрополь. Здесь нашли последнее убежище многие польские ссыльные, известные в свое время деятели пермской науки, культуры.

К примеру, прадед композитора Дмитрия Шостаковича. А разве не заслуживает внимания личность Игнацы (Игнатия) Воропая? Он был губернским землемером. Кроме того, его избрали синдиком (старостой) католической общины, а также членом Пермского статисти-

ческого комитета. Игнатий Михайлович основательно изучал историю Пермского края, выступал с докладами и сообщениями в местном музее и в Уральском обществе любителей естествознания (УОЛЕ). Его можно назвать и одним из первых экологов. Посмотрите, как звучит тема его научных изысканий: «Истребление рыбы в Каме». И это на рубеже XIX и XX веков (умер И. М. Воропай в 1908 году)!

И таких людей, породнившихся по воле Божьей с местным суровым краем, было среди поляков немало. В последние десятилетия, когда в Перми не было католического священника, люди приходили на могилу отца Антония Шостаковского, первого настоятеля Пермского католического прихода. Да, ходили к его надгробию и там исповедовались. Они делали это с верой, что отец Антоний оттуда произнесет слова, которые обычно произносил в церкви на исповеди: «Я отпускаю тебе грехи...» На его могиле можно прочитать такую надпись: «Здесь лежит грешник Юлий Антоний Шостаковский, священник попечитель Пермский. Умер в год Господа 1877 13 ноября. Верую, что Искупитель живет, и я в последний день воскресну. Бог милостив ко мне грешнику. Путник, молись за меня. Сегодня – мне, завтра – тебе».

Мне вспоминается подпись в стихах к одной старинной картине «Танец смерти», принадлежащей кисти неизвестного художника из круга бернардинских монахов. Изображен кружок веселящихся танцоров, которых ведет смерть, а в ноты музыканту из-за его плеча заглядывает скелет. «Счастлив тот, кто вырвется из танца, обретет покой на небесах, а несчастен, кто из круга смерти в пекло упадет, воскликнув: «Горе!» Как видим, это тема вечная, вопросы жизни и смерти всегда будут волновать людей, и верующих, и неверующих.

Добрая память живет долго. Совсем недавно я получил фотографию последнего настоятеля Пермского католического храма (до закрытия его в 30-е годы). Им был отец Франциск Будрис. Он был расстрелян как «польский шпион». В Перми еще есть люди, которые

помнят ксендза Будриса... 17 октября 1993 года в католическом храме Перми состоялась первая служба – после длительного перерыва в шесть десятков лет... На мою первую мессу пришло 30 человек. Сейчас прихожан – около 300. Есть среди них и такие, кто хочет стать монахами, в том числе русские.

Мы переживаем исключительное время – начинается третье тысячелетие Христианства. Кроме того, мы отметили юбилейный год Храма. Здесь, на Урале, в отличие от других уголков мира, христиане и даже представители нехристианских конфессий праздновали этот год «в плодотворном сотрудничестве, в собирании того, что их объединяет». Ведь с момента возникновения христианской веры почти тысячу лет мы пребывали в единой церкви. Первым епископом Рима и первым Папой Римским был апостол Петр, чтимый и православием. Все мы глубоко уважаем православную веру. Лично я не только хожу молиться в православный храм, но и могу исповедоваться у архиепископа Пермского и Соликамского, и он данной ему властью прощает мне грехи. Архиепископ Афанасий, в свою очередь, несколько раз участвовал в богослужениях, прошедших в нашей церкви, прочитал отрывок из Евангелия. И своим прихожанам я настоятельно рекомендую в мое отсутствие (мне приходится часто ездить в Ижевск, Березники, Лысьву, Киров – приход обширный) ходить в ближайшую православную церковь, так как мы признаем все Святые Таинства.

Из всех христианских религий нет более близких, чем православная и католическая. Недаром святой Отец образно называет их: церкви-сестры. В 2001 году впервые в одно время будет праздноваться Пасха православная и католическая (у поляков она называется Великая Ночь), и с этого момента Папа Римский намерен в дальнейшем установить католический праздник Пасхи – Светлого Христова Воскресения – одновременно с православным навечно. Хочется верить, что все имеющиеся различия наших вер будут преодо-

Подписание соглашения между администрацией Пермской области и межконфессиональным консультативным комитетом Пермской области «О взаимодействии в заботе о физическом и духовном здоровье населения Прикамья» (23.06.2000). Слева направо: пастор Давид Рерих (евангелическо-лютеранская церковь), отец Анджей Гжибовский (римско-католическая церковь), архиепископ Афанасий (православная церковь), Геннадий Игумнов (губернатор Пермской области), муфтий Мухаммедали Хузин (мусульманская община), отец Валерий Шабашов (старообрядческая церковь), Ефим Бурштейн (иудейское религиозное общество).

лены, если будет на то добрая воля Патриарха Всея Руси и Папы Римского. Я, как и многие христиане, мечтаю о слиянии наших религий в единую, как и было до 1054 года...

То, что нас объединяет, безусловно, преобладает над тем, что разделяет. Это показали и главные мероприятия юбилейного года. 2000-летняя годовщина Рождества Христова совпала со 125-летием Пермской католической церкви. Состоялись международная молодежная христианская встреча, в рамках которой прошли фестиваль и конференция. Службы провел наш архиепископ Тадеуш Кондрусевич.

Запомнились участникам посещение мемориала «Пермь-36» в Чусовском районе и торжественная месса памяти жертв тоталитарных режимов с участием архиепископа Каунасского Сигитаса Тамкявичуса, бывшего узника 35-го и 37-го политлагерей. Сейчас он – Председатель конференций епископов Литвы. Этого человека можно считать прихожанином моего обширного Пермского прихода, ведь отец Сигитас молился здесь еще в те годы, когда церковь не была возвращена верующим (он вышел на волю только в 1988 году).

Юбилейные торжества в Церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии прошли с участием представителей Межконфессионального консультативного комитета (МКК), ведь нечасто еще встречаются православные, старообрядцы, лютеране, мусульмане, иудеи. Все это свидетельствует об углублении нашего сотрудничества, взаимопонимания и сближения.

Мне кажется, почву для этого нам подготовили многие люди, которые жили и трудились в Перми и в Пермском крае. Оказывается, терпимость и уважение друг к другу, хорошие межконфессиональные отношения имеют свои корни в жизни и памяти наших братьев и сестер. Нам остается только продолжить этот путь и надеяться, что их молитвы перед Богом услышаны.

Добро, содеянное ими, подобно зерну, которое, упав в землю, приносит плод. Плоды эти видны в нашем городе, в нашем приходе, в нашей жизни. При храме действуют Центр польской культуры, воскресная школа для детей, молодежи и взрослых, паломническая служба, Центр семьи, здесь встречаются прихожане немецкого происхождения. Малоимущим оказывается материальная помощь при посредстве международной благотворительной организации «КАРИТАС». Больным алкоголизмом оказывается квалифицированная врачебная помощь...

Пермские поляки участвуют в традиционных Днях славянской письменности и культуры, проходящих в Прикамье. На вечера, концер-

ты, праздники, устраиваемые Центром польской культуры, приходят все, кто желает. В последнее время многих привлекают и органные концерты, проходящие в храме, а дьякон отец Сергей Суринович получил уже некоторую известность в городе и как автор оригинальных стихов и песен. Он их сам исполняет, в том числе и посвященные его горячо любимой родной Белоруссии.

Общиной храма издается газета, в которой есть специальные приходская, польская и немецкая странички, подготовленные добровольцами.

Каждый дар, приносимый в общину, – от сердца. И каждый дорог по-особенному... Архиепископ Афанасий подарил мне во время первого визита к нему кропило (предмет для богослужения) – я не привез его с собой из Польши. А одна из прихожанок подарила ритуальный колокольчик, который когда-то давно взяла из разрушенного большевиками белорусского католического храма и хранила у себя почти шестьдесят лет.

Зерна добра обязательно когда-нибудь прорастают.

О. А. Гжибовский

Настоятель отец Анджей ГЖИБОВСКИЙ.

Отцу Анджею 46 лет. Среднюю школу окончил в Варшаве, в 1975 году поступил в Высшую духовную семинарию в Плоцке, а в 1981 году он был рукоположен в священники. Работая в небольших польских приходах, окончил Академию теологии в Варшаве, после чего получил степень магистра богословия. В России (тогда Советском Союзе) впервые побывал в 1989 году, затем в 1991-м, после чего принял решение приехать сюда работать. Дважды встречался с Папой Римским.

КСЕНДЗ, СОШЕДШИЙ С ЭШАФОТА

ореволюционная Пермь издавна была местом политической ссылки. Много было здесь поляков – участников национально-освободительного движения польского народа, лишенного с конца XVIII века государственности и насильственно включенного в состав Российской империи. Через весь XIX век идут восстания в Царстве Польском (так называлась захваченная русским тронем часть Польши) и пополняются ряды ссыльных поляков в Сибири и на Урале. Еще А. И. Герцен, высланный из Москвы в Пермь в 1835 году, писал в «Былом и думах» о своих встречах в Перми с сосланными сюда участниками польского восстания 1830–1831 годов.

Петр Сцеженный

Прогрессивная русская общественность с сочувствием относилась к освободительному движению польского народа. Уже в первой четверти XIX века в «Русской Правде» – проекте конституции, составленном руководителем Южного общества декабристов Пестелем, Польше отводилось особое место: предполагалось, что Польша восстанет вместе с Россией и проведет у себя те же преобразования, какие предполагалось осуществить в России. После этого Польша обособливалась в самостоя-

тельное государство с суверенными правами. В 1823 году Южное общество декабристов даже вступило в контакт с Польским рево-

люционным тайным обществом и договорилось о взаимной поддержке и совместных действиях. Но общее выступление не состоялось.

Однако идея русско-польского революционного союза непрерывно развивалась. Лозунг «За нашу и вашу свободу» впервые был начертан на польских повстанческих знаменах в 1831 году в подтверждение и развитие этой идеи. Ее поддерживали выдающиеся представители прогрессивной польской и русской общественной мысли.

Одним из идеологов этого союза (в частности, союза русского и польского крестьянства в борьбе против общих поработителей) выступал отец Петр Сцеженный, глубоко почитаемый в Польской Республике.

В «Сведениях о состоящих под надзором полиции в Пермской губернии политических преступниках» (июнь 1863 г.) о нем говорится: «Петр Сцеженный, бывший ксендз, выслан из Иркутской губернии, подвергнут надзору без срока, гласному, политический преступник, составлял в Перми центр польского кружка, за что и выслан в Соликамск; осторожен, принадлежит к личностям, не изменяющим закоренелых убеждений, которые прикрывает личиною».

Кто же такой этот человек? Почему он попал в Пермь не из Польши, а из Иркутской губернии? Почему губернский чиновник обиженно-неприязненно обвиняет его в лицемерии по отношению к власти предрежащим?

Имя Петра Сцеженного, выходца из крестьян, настоятеля костела маленького местечка Ходель в Люблинской губернии, в истории польского национально-освободительного движения стоит в одном ряду с именами таких выдающихся представителей прогрессивной польской общественной мысли, как Иохим Лелевель, Адам Мицкевич, Шимон Канарский. Революционные взгляды Сцеженного были изложены в ряде произведений, написанных им для распространения в народе. Наиболее известно «Послание Папы Григория к земледельцам, ремесленникам, крестьянам, мещанам и солдатам, к лакеям, писарям и экономам, присланное из Рима». Одним из программных пунктов «Послания» был призыв к объединению русского и польского крестьянства в борьбе против общих угнетателей. Созданная Сцеженным революцион-

ная крестьянская организация готовила в октябре 1844 года восстание в Люблинской и Радомской губерниях Царства Польского. Но среди посвященных в планы восстания оказался предатель. Накануне восстания Сцеженный и его ближайшие соратники были арестованы.

Царский суд приговорил Сцеженного к смертной казни через повешение, которая уже на эшафоте была заменена бессрочной каторгой. На каторге и в последовавшей за ней ссылке он пробыл в общей сложности 25 лет – с 1846 по 1871 год. Каторгу Сцеженный отбывал в Александровском заводе Нерчинского округа Иркутской губернии с 1846 по 1856 год, когда по манифесту Александра II, изданному в день коронации, Сцеженный был освобожден от каторжных работ, но «оставлен на жительство в Восточной Сибири». Каторга не сломила воли этого уже немолодого тогда человека, не поколебала его убеждений. Как стало известно десятилетия спустя, находясь в Сибири, Сцеженный активно участвовал в организации польских ссыльных, носившей название «Огул», был одним из его руководителей. Целью организации было «сохранение между его членами народности, нравственности и взаимная братская помощь».

Когда Сцеженному было разрешено переселиться под гласный надзор полиции в Пермь, ему было уже 58 лет.

«Взятие арсенала в ночь ноября 1830 года».

Картина художника М. Залеского.

«Бой». Картина художника А. Гроттгера из цикла «Полония», посвященного теме польского восстания 1863–1864 гг.

Сцеженный не потерял связей с соотечественниками в Сибири. В Перми же он оказался в центре тогдашней польской колонии, в которую входили не только ссыльные, но и государственные чиновники польского происхождения.

Новый подъем освободительного движения, начавшийся в польских землях с 1860 года, естественно, отражался на настроениях польских ссыльных. Сцеженный был в курсе происходящих на родине событий, так как получал письма от родных и знакомых, беседовал с этапирруемыми через Пермь ссыльными, поток которых увеличивался по мере нарастания борьбы польского народа. Сцеженный не занял позу стороннего наблюдателя, а фактически включился в разворачивающуюся борьбу, насколько это можно было сделать, находясь под гласным надзором.

Квартира инженера путей сообщения подполковника Люциана Станиславовича Буткевича, с детьми которого занимался Сцеженный, была превращена в штаб, куда через хозяина приходили для Сцеженного деньги и письма ссыльным землякам из далекой Польши,

и откуда шли дальше, в Сибирь. Для помощи ссыльным полякам Сце-генный организовал сбор средств в самой Перми. Была собрана до-вольно значительная для того времени сумма – 800 рублей серебром.

До поры до времени деятельность Сцегенного ускользала из поля зрения надзорных органов, он был вне подозрений губернского на-чальства. Может быть, так продолжалось бы и дальше, если бы не роковая случайность. Из Сибири бежали двое политических ссыль-ных: поляк Станислав Крупский и русский Александр Балакшин. Бе-лецы благополучно добрались до Уральского хребта, о чем легко-мысленный Крупский поспешил через почту уведомить своего при-ятеля Леопольда Целецкого, рекрутированного и сосланного в Омск за участие в освободительном движении. Письмо было перехвачено, последовал обыск у Целецкого. У него обнаружили несколько писем из Перми, от Петра Сцегенного. Генерал-губернатор Западной Сиби-ри Дюгамель телеграфировал об этом пермскому военному губерна-тору Лошкареву. Последовал внезапный обыск у Сцегенного, драма-тически изменивший его судьбу.

При обыске у Сцегенного было изъято «писем и разных бумаг – 100 номеров; портретов разных лиц – двадцать две штуки; комжа и стула (предметы облачения католического священника.– Прим. ав-тора), употребляемые для богослужения». После допроса было вы-несено постановление об аресте Сцегенного «как обвиняемого в не-дозволенном правительством сборе денег, учении детей без права на это, переписке с сосланными за политические преступления и за подозреваемого в сношениях с Литвой и Польшею, а также в жела-нии составить из наличных поляков благотворительный комитет, в совершении божественной службы» (богослужение строго запрещалось всем сосланным католическим священникам).

В постановлении отмечалось, что Сцегенный «принимал живейшее участие в сосланных вследствие политических смут в Литве и Польше и собирал для них же как в Перми, так и в других местах деньги, из писем же, присланных к нему сосланными и их родственниками, вид-но, что первые состоят с ним в коротких отношениях, вторые же

доверяют ему как деньги, посылаемые детям своим, так и письма...»

Обыск и допрос производил и. д. судебного следователя I части г. Перми Синельников в присутствии жандармского адъютанта штабс-капитана Воронича 13 июня 1863 года. Постановление было вынесено ими же 15 июня. Затем материалы дела были отправлены для ознакомления временному генерал-губернатору Казанской, Пермской и Вятской губерний А. Е. Тимашеву, который находился в то время в Перми. Возвратив дело 18 июня 1863 года, Тимашев потребовал доследования его обстоятельств. Последовало соответствующее распоряжение губернатора Лошкарева, причем вместо штабс-капитана Воронича, ввиду важности миссии, к следствию был прикомандирован штабс-офицер корпуса жандармов в Пермской губернии полковник Комаров. 21 июня состоялся допрос подполковника Буткевича, непрямого члена Пермской строительной и дорожной комиссии, на адрес которого поступала корреспонденция для Сцегенного.

Сама поспешность, с которой производилось следствие, – с момента получения телеграммы Дюгамеля (2 июня) до окончательного резюме Тимашева по этому делу (23 июня) прошло всего 11 дней – свидетельствует о явном нежелании губернских властей придавать делу широкую огласку.

Уже 25 июня 1863 года в 10 часов вечера Сцегенный был доставлен к новому месту ссылки – в отдаленный Соликамск, где ему предстояло прожить еще долгие восемь лет.

Судя по всему, никаких сообщений в Министерство внутренних дел о проведенном следствии губернское начальство сочло за благо не делать. Появилось только лаконичное упоминание в «Сведениях о состоящих под надзором полиции политических преступниках», потерянное в массе имен и фамилий.

*Н. АЛЕНЧИКОВА,
историк-архивист.*

ПРАВО НА БЛАГОДАРНОСТЬ

убликацией Н. Д. Алениковой документов о Петре Сце-
генном из Государственного архива Пермской области в
«Уральском археографическом ежегоднике на 1970 год»
существенно обогатилась историография об этом заме-
чательном деятеле польского освободительного движе-

ния. Сравнительно краткий период пермской ссылки был чрезвычайно
важен в биографии Сцегенного прежде всего как свидетельство роста
авторитета его личности в польской диаспоре Урала и Западной Сиби-
ри. Эта мысль находит отражение в обнаруженных в 1994 году доку-
ментах Российского государственного исторического архива (РГИА).

Найдены они неожиданно, при поиске материалов по истории
католического храма в Перми. Два документа написаны рукой Петра
Сцегенного, а третий представляет пространную петицию-прошение
в адрес могилевского архиепископа. Могилевская епархия ведала все-
ми римско-католическими общинами, находившимися на территории
России, особенно опекая регионы, где были сосредоточены сослан-
ные из Царства Польского и западных губерний.

Предыстория такова. В 1830-е годы ссыльные поляки не только
создали первую католическую общину в Перми, но и добились разре-
шения губернатора отправлять свои духовные потребности в само-
дельной «каплице», помещение для коей было арендовано в одном
купеческом доме. После пожара в 1842 году, уничтожившего более
половины жилых домов (в том числе пострадал и дом Яковлева, где
молились католики), неоднократные просьбы о постройке «капли-
цы» и присылке постоянного священника не имели положительного
резонанса почти четверть века. Удовлетворять религиозные потреб-
ности поляков, литовцев, французов и немцев помогал лишь наез-
жавший из Казанского военного округа капеллан.

В конце 50-х годов XIX века в Пермь после тяжелых работ на
свинцовых рудниках в Иркутской области переводят на поселение

отца П. Сцегенного. И здесь он продолжал борьбу за облегчение участи соотечественников. В этом ему помогали пермские поляки-чиновники, предоставляя свои почтовые адреса и денежные средства для материальной помощи нуждающимся и организации связи между ссыльными, а также с их родственниками на родине. Но ксендз Сцегенный спланировал и духовно, создав все необходимое для возрождения католической общины на Пермской земле, где уже в 1859 году насчитывалось около тысячи католиков. Не без его влияния они обращались к власти с предложением построить католическую часовню на добровольные сборы: «Средства эти изыщет собственное наше благое усердие к этому святому делу». Вспомним из его переписки, что он помогал собирать средства на постройку костела в Тобольске.

О доверии к ссыльному священнику говорят следующие строки. До сооружения святыни католики просили «нанять приличный для молебни дом и исходатайствовать сосланному по распоряжению правительства на жительство в Пермь ксендзу Сцегенному право совершать требы, как не лишенному прав священства, лишь только имеющему запрещение в совершении таковых». При этом они

ПЕРМЬ. — PERM. N° 6.
Костель. — L'Eglise catholique.

Пермский католический храм в начале XX века.

пытались убедить губернатора в «двойной пользе», коя должна последовать в результате назначения отца Сцегенного католическим священником г. Перми, как для казны, так и для католического общества губернии: «Для казны – потому, что останутся в экономии прогонные, употребляемые Казанским священником до г. Перми деньги, а для католиков, что каждый проживающий в уездном городе Пермской губернии в гражданской и военной службе будет иметь возможность со своими семействами хотя однажды в год исполнить христианский долг, которого в настоящее время лишаются...»

Более подробно о нуждах католиков было сказано в петиции, составленной 18 августа на имя Могилевского архиепископа, за подписями подполковника корпуса инженеров водных коммуникаций Люциана Буткевича, детей которого обучал отец Петр Сцегенный, врача пермского военного госпиталя Антония Горского и др. Они акцентируют внимание архипастыря на том, какой вред наносит отсутствие постоянного капеллана нравственному воспитанию, соответствующему польской семейной традиции. В частности, читаем: «...Католики, не находящиеся на военной службе, оказываются вообще далеки от священника и соответствующей им веры, а тем не менее, они являются отцами семейства и ответственны за воспитание детей и челяди... Дети не видят отцов своих во время молитвы, что приводит их к греху и лени...»

Хотя Сцегенный и не был лишен своего сана, но обязанности капеллана исполнять не имел права. Именно снятия этого запрета и добивались авторы прошения от епархии, в самом выгодном свете представляя отца Сцегенного: «Во время пребывания здесь своим примерным поведением, почитанием властей, науки и набожности он объединил сердца католиков, тут живущих, приходя на помощь, оказывая услуги, насколько это было для него возможно, он имеет уже право на благодарность не одного из нас».

Ответа католики дождались в ноябре. Содержание онго лишь косвенно отражает письмо Сцегенного архиепископу М. Станевскому

от 20 июня 1860 года. Во вступительной части он пишет, что в этом ответе «отыскал надежду поворота к исправлению обязанностей капланских» и «набрался отваги» обратиться самому с просьбой по этому вопросу. Как видно, за прошедшие семь месяцев перемен не произошло. Защищая интересы пермских католиков, он выражает надежду на помилование: «Стоя уже почти над гробом, я хотел бы в него вступить как чинный каплан нашего святого костела и на службе верных его сынов, лишенных всякой религиозной помощи. Если я не заслужил до сих пор прощения, сделай это, наидостойнейший архипастырь, окажи милосердие тем, которые здесь должны жить как бы в роли отбросов общества – без каплана и алтаря...»

К этому документу была приложена автобиография, тоже написанная рукой опального ксендза. Вот ее содержание:

«Я, ниже подписавшийся, родился в 1801 г. от Войцеха и Францишки Сцегенных в селе Бильчи, принадлежавшем Краковскому воеводству. В 1827 г. вступил в собрание ксендзов пиаров, был учителем при школе (возможно, филиале школы пиаров. – Прим. автора) в г. Ополе Люблинского воеводства. В 1832 г. обученный на капеллана епископом Люблинской епархии Дзиенцельским, а в 1833 г. вступил в должность vikария костела Вилкотазского Люблинской епархии, в Мжендовском деканате.

В 1844 г. марте назначен администратором Ходельского прихода в той же епархии, в мае того же года сдал конкурсный экзамен. В октябре 1844 г. включился в политическое движение, которое должно было наступить в Царстве Польском. Следственной комиссией признанный руководителем этого движения (стоял во главе готовящегося восстания), получив наказание по высшему разряду – тяжелые работы в Сибири (смертная казнь через повешение была заменена каторгой. – Прим. автора); в 1846 г. после прекращения публичных месс «в обязанностях капланских» был вывезен в Сибирь. В 1855 с работ на поселение, а в 1857 на жительство в город Пермь препровожден, где до настоящего времени остаюсь под надзором полиции. К. П. Сцегенный».

При поддержке отца П. Сцегенного пермские католики все же добились своего. Постоянный священник появился – им стал кандидат богословия Юлиан Антоний Шостаковский. Его стараниями с осени 1864 года была создана католическая община. Службу вел в молельне, оборудованной в доме священника. Отец Антоний добивался разрешения на постройку в Перми католического храма, отправив первый его проект, составленный Эдмундом Фриком (окончательный принадлежит Р. И. Карвовскому), в 1869 году в Петербург. Резолюция «Согласен» министра внутренних дел на проекте появилась лишь в 1873 году.

Храм был построен в 1875 году на средства прихожан, но основную часть суммы пожертвовал на его строительство опальный епископ Боровский, живший в Перми 12 лет, которому было исходатайствовано право освящения краеугольного камня храма и освящения его открытия.

Что же касается отца Сцегенного, то он за свою деятельность в Перми был вновь арестован и выслан на Север. Город Соликамск на севере Пермской губернии стал новым пристанищем Сцегенного, куда он был доставлен 25 июня 1863 года. Лишь в 1871 году он вернулся на родину и до конца жизни вел службу в одном из приходов.

Опальный епископ Каспер Боровский.

*Е. ХАРИТОНОВА,
кандидат исторических наук.*

«ЗАМУРОВАННЫЙ В ПЕРМИ»

лику святых И. Р. Калиновский был причислен относительно недавно, в 1991 году, но с тех пор появилось немало книг и статей, посвященных жизни и подвижничеству этого святого. В католическом мире он считался покровителем и заступником всех томящихся в ссылке и неволе. Несмотря на то, что биография его уже достаточно изучена, упоминаний о его пребывании в Перми, к сожалению, нет. Возможно, потому что период этот краток и не связан с широкой подвижнической деятельностью. Между тем, знакомясь с личной перепиской И. Р. Калиновского, относящейся ко времени отбывания им ссылки в Перми, мы видим боль и страдания, выпавшие на его долю, глубокую веру, поддерживавшую его в эти дни.

Иосиф Рафаил Калиновский родился в Вильно в 1835 году. С детства обнаружил незаурядные способности к математике, поэтому после некоторых колебаний он поступил в Санкт-Петербургскую инженерную академию. Впоследствии, на склоне лет, святой Рафаил писал: «Обращаясь теперь к некоторым, наиболее важным моментам своей жизни, я понимаю, что тогда, прежде чем уехать в Россию, я должен был поступить в епархиальную семинарию Вильно. И именно пото-

В католическом храме хранится образ святого Рафаила – покровителя всех томящихся в неволе.

му, что я этого не сделал, многие годы моей жизни, особенно молодости, прошли даром, превратившись в суету, не принеся пользы ни мне, ни другим». Кто знает, быть может, ступи он сразу на путь служения Богу и не перенеси всех тех испытаний, что выпали на его долю, мир знал бы совсем иную личность. В промысле Божьем все периоды его жизни, в том числе и те, значимость которых он сам подвергал сомнению, были лишь этапами его пути к Всевышнему.

Время, проведенное в Петербурге, было отмечено внутренней несогласованностью, богоискательством. «Это мое несчастье: я ищущу дух, а нахожу лишь материю», — писал он в одном из своих писем. В этот период произошел случай, который произвел на него огромное впечатление. Внезапно ощутив потребность исповедаться, он вошел в один из храмов. Тот поразили его своей пустотой, в нем не было ни души. Он преклонил колени в исповедальне, но в ней не было священника, который бы выслушал его исповедь. Тогда он заплакал от невыразимой тоски. Возможно, этот случай объясняет, почему позже, будучи уже пожилым священником, он даже во время болезни не позволял себе оставить свою исповедальню.

Несколько последующих лет своей жизни Калиновский провел в Брест-Литовске, где был назначен на должность суперинтенданта крепости по фортификации и эксплуатации. Здесь начались размышления о его истинном призвании и первые попытки мирского проповедничества.

Вести о восстании в Польше настигли его в Бресте в январе 1863 года. Самым мучительным для него было сблизиться с восставшими, отдавая себе отчет в том, что восстание было ошибкой и обречено на поражение. Ошибкой не потому, что несправедливы были требования восставших, а потому что, как он сам говорил, «Польша нуждалась тогда не в новом кровопролитии на полях сражений — слишком много ее было пролито, — а в поте труда». Калиновский пытался сначала разубедить восставших, но когда его попытки к успеху не привели, ему ничего не оставалось, как примкнуть к ним. Вскоре Национальный совет восстания назначил его военным министром Вильнюсской области. Но прежде чем дать

согласие, он поставил единственное условие: он никогда не подпишет ни одного смертного приговора. Как Калиновский предвидел с самого начала, восстание потерпело поражение, а его руководители попали в руки полиции. Когда его арестовали, Калиновский решил взять всю ответственность на себя, чтобы никого не выдать. В мемуарах он написал: «Я боялся, что мое молчание могло побудить власти провести более тщательное расследование о деятельности общества, в котором я состоял, а также о людях, с которыми я был связан. Поразмыслив над этим, я твердо решил обвинить самого себя, чтобы не было необходимости вести каких-либо расследований обо мне. Взяв полностью вину на себя, я безусловно приговаривал себя к смерти».

Один биограф очень точно описал его моральный облик: «Удерживать других от серьезных ошибок, не принимать никакого участия в их совершении, но потом великодушно согласиться разделить печальные последствия этих ошибок, подвергнувшись вместе с другими наказанию и не обвинив при этом никого,— вот подлинное лицо Иосифа Калиновского».

Смертная казнь, к которой он был приговорен, была заменена на 10 лет каторжных работ в Сибири. При этом властями был пущен слух, что милость властей Калиновскому удалось купить себе ценой предательства.

Находясь в ссылке, Иосиф Калиновский около года провел в Перми. Только письма к родным и близким дают нам некоторое представление о его жизни в этом городе.

В Пермь Калиновский прибыл 6 августа 1872 года, а на следующий день он уже писал своей семье о том, что некий Зигмунд Чехович помог ему здесь обустроиться: нашел квартиру, столовую и прачку. «Климат действительно немного суровый,— отмечал Калиновский,— но зато о холере знаем только из предостережений, прибывших на столбах...»

Впрочем, мысль Калиновского всегда парила над обыденной действительностью, и, обдумывая такой поворот своей судьбы, он продолжал: «Провидение всегда устраивается к лучшему, если не в

мирском порядке, то в духовном. Эта мысль подкрепляет меня в моей неудаче, она претворяется в нежелание винить кого-либо. Думаю, что мое вынужденное пребывание в Перми позволит мне хотя бы немного духовно пожертвовать на славу Божию в той семье, в которой мне выпало жить и где имя Бога было забыто. Более того, за крест ссыльного Бога благодарить еще следует». Перечитывая эти строки, сразу же вспоминаешь слова Иисуса Христа, говорившего: «И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Евангелие от Луки, гл. XIV; 27).

Калиновский все более укреплялся во мнении, что его ссылка в Пермь имеет жертвенный смысл. «Пребывание мое в Перми тягостно, но в целом оно идет мне на пользу,— пишет Калиновский,— если Господь Бог позволил мне немного Ему послужить, то, видимо, я нужен духовно. Это облегчает мне многие тягостные минуты, которые при ином внутреннем настрое, наверное, оказались бы просто невыносимыми».

Дух и разум Калиновского всегда пребывали в поиске и труде. Известно, что в свободные минуты он читал «Revue du Monde Catholique» — журнал, выходивший в Париже и посвященный проблемам науки, истории и культуры. В руки Калиновского также попадал религиозный журнал «Sion», с 1832 года издававшийся в германском городе Аугсбурге.

Нередко по вечерам он посещал ссыльного епископа Боровского, с которым обсуждал трудности, встреченные им в теологии. Мысли Боровского, по свидетельству Калиновского, были направлены единственно на нужды церкви.

Радостным событием для Калиновского становится переезд на новую квартиру, расположенную в доме Сапожниковой по Большой Ямской улице, в одном дворе с часовней. Там он имеет довольно большую светлую комнату, которая обращена одной из своих сторон к окнам каплицы. «Наверное,— пишет Калиновский,— можно было бы увидеть алтарь, если бы зрение мне позволяло...» Его соседом по двору становится отец Фишер, который приходит к нему в поисках практики французского языка четыре раза в неделю.

Из письма, датированного февралем 1873 года: «Есть надежда на то, что весной начнется строительство каменного костела». Действительно, строительство храма началось в 1873 году, уже после того, как Калиновский покинул Пермь. Убранство алтаря, по его словам, тогда было более чем скромное. Это вызвало у него воспоминание о Вифлеемских яслях. «Можно дивиться доброте Создателя, который так милостиво хочет присутствовать среди нас», — пишет Калиновский.

Путь его к Богу был сопряжен не только с невзгодами и тяжелым крестом ссыльного, но и с душевными кризисами. Калиновскому порой казалось, что он «как замурованный в Перми, и набрался равнодушия ко всему». «Мое моральное состояние — хуже некуда», — признавался он. В своем отчаянном положении единственное спасение ссыльный видел в молитве. «Кроме молитвы, — писал он тогда, — я ничего не могу предложить Богу, следовательно, я считаю ее моим единственным даром. Я не могу соблюдать посты, у меня почти ничего нет, чтобы подать милостыню, нет сил работать, остается лишь страдать и молиться. Однако никогда у меня не было более дорогих сокровищ. И мне не надо ничего другого». За видимым отчаянием в душе Калиновского скрывалось твердое смирение, укреплявшее его в эти дни. Возможно, именно во время пребывания в Перми им был сделан тот нравственный и духовный выбор, который определит всю его последующую жизнь. В январе 1873 года он писал своим братьям: «Сегодня я уже не поддаюсь обману университетского воспитания. Не накормит оно разумом, не успокоит сердце. Хорошо, если не способно и то и другое отравить ядом. Разве вам не приходила мысль искать более здоровой науки для разума и более безопасной для сердца на другом пути. Это дорога посвящения службе Божией».

В июне 1873 года Иосиф Калиновский покинул Пермь, а в 1874 году он был окончательно освобожден, но в возвращенном ему паспорте значился запрет на жительство в Литве. Ему тогда было 39 лет. Вскоре он принимает должность наставника малолетнего князя Августа Чарторыского, семья которого, будучи высланной из

России, проживала в Париже, в отеле «Ламбер», где был сосредоточен в то время весь цвет польского дворянства. К воспитанию подростка Иосиф Калиновский подходил как к ответственной миссии и постарался передать ему все то, к пониманию чего пришел сам после долгих лет тяжелых испытаний. Однако мирская жизнь уже мало занимала Иосифа Калиновского. В возрасте 42 лет он явился в послушничество Грац в Австрии, поступив туда «с единственной мыслью посвятить себя жизни раскаяния». Иосиф, ставший в монастыре братом Рафаилом, скажет потом, что «за десять лет Сибири он перенес меньше, чем за один год послушничества». Речь здесь идет даже не о тяготах суровой монастырской жизни, а о духовных метаморфозах, тяжело переживаемых любым человеком.

Свое духовное образование Калиновский завершил в Венгрии, а затем получил распоряжение отправиться в Польшу. В единственном кармелитском монастыре – старинном скиту – жило всего восемь старых монахов, и лишь четверо из них были поляками. Калиновского сразу назначили наставником послушников, затем настоятелем, а потом викарием провинции. В 1892 году он открыл второй монастырь и превратил его в семинарию.

Со временем Калиновский стал духовным отцом своего прихода. К его исповедальне стекались все большие и большие толпы людей, и там он проводил жизнь, невзирая на многие неудобства. Его звали «мучеником исповедальни» – это выражение было воспроизведено Иоанном Павлом II в речи, посвященной причислению Калиновского к лику святых.

Святой Рафаил умер в 1907 году в Вадовицах, в городе, где спустя тринадцать лет родился Кароль Войтыла, будущий Папа Римский Иоанн Павел II. На смертном одре Калиновский непрерывно повторял слова Христа: «Отец, пусть будут все – одно целое». Надо полагать, что в эту фразу он вкладывал свой собственный смысл – надежду на исполнение его главной мечты: объединения христианских церквей.

Д. ОФИЦЕРОВ.

КТО НЕ ЗНАЛ ЛЮДВИГА ИВАНОВИЧА!

а новом Егошихинском кладбище, неподалеку от Всехсвятского храма, стоит высокий каменный крест с изображенными на нем лирой и лавровым венком. Это надгробие на могиле скрипача и дирижера Людовика (Людвиг) Винярского, умершего 25 февраля 1901 года, поставлено было, как свидетельствует надпись, его матерью. И то, что крест сохранился до наших дней в целости (в отличие от соседних, в большинстве своем попорченных временем, а то и разломанных вандалами памятников), можно считать, наверное, еще одним свидетельством уважения и признательности всего пермского общества замечательному человеку, упокоившемуся здесь.

Статистика свидетельствует: средняя продолжительность жизни дирижеров относится к самым высоким среди всех профессий. Но это в среднем. И это – не о поляках, которые в прошлом веке, в силу известных причин, долго не жили. Даже дирижеры. В «Русской музыкальной газете» уже после его ранней смерти было приведено такое сравнение: «Во времена Винярского летние сезоны в Перми по репертуару приближались к Павловским концертам времен Штрауса». Об этом же вспоминал его товарищ по музыкальному кружку (существовавшему в Перми с переменным успехом с 1874 года) поэт и журналист Сергей Ильин (родной брат писателя русского зарубежья Михаила Осоргина): «Оркестр, которым руководил Винярский, был достоин столичных сцен...» А о самом музыканте Ильин отзывался так: «Это был человек мягкого, ровного характера, разносторонне образованный, осведомленный решительно о всем, чем может и должен интересоваться интеллект»(!).

Подчеркнем: на характер его не повлияло несчастье, случившееся с ним в детстве. Однажды Людвиг, росший стройным резвым красивым мальчиком, полез поправить часы на стене и упал со сту-

ла. Вследствие ушиба у него, как отметил пермский летописец, «образовался физический недостаток, горбы спереди и сзади».

Можно только догадываться, чего стоило ему это – сохранить «ровный мягкий характер». Ведь сколько нытиков вокруг нас, да и были они во все времена, из той породы, что всегда склонны объяснять свои срывы, грубость, неровность нездоровьем или «обстоятельствами»! Именно этот недуг и привел музыканта к ранней смерти. За несколько лет до своей кончины Людвиг Иванович ездил в Петербург, в клинику профессора Кало, слава о котором прогремела на всю Россию благодаря его успешным операциям по выправлению горбов. Увы, диагноз Винарского показал, что его оперировать поздно.

Необыкновенные музыкальные способности открылись у Людвигу с ранних лет, он был вундеркиндом, как говорят ныне. В семь лет превосходно играл на скрипке, поражая педагога «чуткостью передачи мысли композитора и техникой игры». Винарский блестяще окончил Варшавскую консерваторию по классам скрипки, фортепиано и теории музыки. Музыкально-педагогическую деятельность он начал в Саратове, в музыкальных классах при местном отделении Императорского Русского музыкального общества (ИРМО).

В Пермь Винарский был приглашен в оркестр городского театра на место первой скрипки, здесь же устроился преподавателем в первую музыкальную школу, организованную в городе в 1886 году дирижером театра Эдуардом Кабеллой, который и пригласил его сюда. А после отъезда Кабеллы в Петербург (по данным краеведа Е. А. Спешиловой, это произошло в 1900 г.) Винарский по праву занял дирижерское место. По праву таланта.

Но что же получается? Официально в должности дирижера Л. Винарский работал всего около года. На самом деле, очевидно, больше, заменяя руководителя в разные периоды. Своему любимому делу он отдавался всей душой, играл так, что заражал любовью всех музыкантов и слушателей. И главное, чем завоевал Винарский всеобщее уважение (особенно среди музыкантов), – серьезный репертуар.

На «пермского Штрауса» ходили специально, популярность дирижера взлетела на необыкновенную высоту. Людвиг Винарский дири-

жировал в разных местах Перми: в Общественном собрании (в саду), в театре, в «Благородке» (так называли иные завсегдатаи Благородное собрание). Один из местных меломанов, ироничный репортер В. Г. (под инициалами скрывалась «Вера Гукс», это псевдоним Александра Николаевича Скугарева, фельетониста, актера и... командора велосипедного общества) между прочим разработал в 1901 году на страницах «Пермских губернских ведомостей» свой оригинальный календарь, четыре пермских времени года:

«Весна – вскрытие Камы и прибытие пароходов.

Лето – открытие летнего клуба.

Осень – приезд артистов и открытие сезона (обязательно оперного).

Зима – для одних первый маскарад в Общественном собрании, а для других, «для тех, которые почище» (как говорится в «Ревизоре»), – польский бал в Благородке».

Польский бал укоренился, конечно, во многом благодаря стараниям и талантам Людвига Ивановича... Устраивались концерты и в интеллигентных домах видных пермяков. И летели над провинциальной Пермью звуки полонезов, вальсов, маршей, сюит и полек... Пермь недаром имела репутацию театрального города, а создавалась такая репутация увлеченными личностями, подобными Винярскому или Ширману. Дирижер Григорий Игнатьевич Ширман также выступал в Летнем саду Общественного собрания вместе с симфоническим оркестром, и весьма продолжительный период: с 1895 по 1917 год. Правда, здесь мы должны привести и такое свидетельство музыкального критика:

...Положим, музыка играет,
Из разных опер повторяет
Любимые куски,
Но разные деликатесы –
Без труб и барабанов пьесы –
Не любят пермяки!

С. Ильин.

30 июля 1904 г.

Сравните с тем, что старался исполнять Винярский, его тяготение к серьезному репертуару... И посмотрите, какое трагичное совпадение случилось в начале нового века! В 1901 году городская Дума вынуждена была отказаться содержать театр (для которого было специально выстроено каменное красивое здание): «непосильно казне». И в том же году, в феврале, оборвалась жизнь скрипача и дирижера Л. Винярского. Уральскую зиму научились переносить не многие поляки...

Винярский занимался и композицией. В сочинении музыки он изливал свою душу, сокровенные желания, печаль и то, что можно назвать, в популярном тогда стиле Надсона, – «томление духа». Композиторское творчество его осталось невостребованным.

Свободный музыкант, горбун с красивой душой, он навечно стал принадлежностью Урала. Кем же он был? Пермьком-поляком или поляком-пермьком? Как говорится, от перемены мест слагаемых ничего не изменится. Вспомним слова его друга, местного поэта, патриота Перми: «Винярский был человеком интеллигентным».

Родственные души нашлись у музыканта в пермском обществе, и это сроднило его с городом. Одну из своих композиций С. А. Ильин посвятил Людвигу Винярскому. Это была аранжировка Э. Грига, переложение для хора и солиста «К морю».

Мечта о море, о воле жила в них – и воплощалась в творчестве, в стихии музыки, в безбрежной любви к искусству. И потом, они умели шутить! Винярский был занимательным рассказчиком, любил беседы за игрой в шашки. Вот что написал Ильин, сам бывший старosta Пермского музыкального кружка (проживший немногим больше дирижера: скончался от чахотки в 45 лет):

...Еще удобство: если ты,
На мир озлобившись глубоко,
Задумаешь уйти далеко
От нас, от нашей суеты,
Туда, где видит твое око
Плиты, могилы и кресты,
Пути не бойся длинноты –
Здесь кладбище неподалеку!

Речь в стихотворении идет о Егошихинском кладбище, где и упокоились по соседству оба друга: поэт Ильин и музыкант Винарский, к которому он не раз обращался в своем творчестве. «Не думалось мне, что так скоро придется навсегда проститься...» – это слова из некролога, который С. Ильин посвятил своему другу «Людвигу Ивановичу» – так к Винарскому обращались все пермяки, полюбившие его.

...Снежным и холодным выдался день 25 февраля 1901 года, дул сильный ветер. Люди, столпившиеся у католического храма на Соликамской, слушали мессу по Людвигу Винарскому. Узнавали: «Это сам Городцов поет...» Бас Александра Дмитриевича Городцова, известного в Перми и во всей России организатора народных хоров, певца и дирижера, знали, любили многие пермяки. Городцов пел «Stabat mater» и гимн Бетховена «Прославление Бога природой». Совет старшин музыкального кружка, председателем которого был в последнее время Людвиг Иванович, присутствовал в полном составе. Много было и простого народа, тех, кого называют «посторонней публикой». Однако репортер местной газеты в оперативном отклике под рубрикой «Хроника» справедливо заметил, что называть эту категорию людей «посторонними» совершенно неправильно. Все, кто знал Винарского («А кто в Перми его не знал?» – восклицает в некрологе С. И.), запомнили на всю жизнь.

Надгробие на могиле «пермского Штрауса» – Л. Винарского.

Каким запомнили? Судя по отзывам, разносторонне образованным и неустанно развивающим свой интеллект – верный признак подлинной интеллигентности... Никогда не теряющим бодрость духа... Обязательной личностью, притягательной для каждого – «среди неблагоприятных условий физического существования» (некролог) – чистотой помыслов и светлым разумом своим...

После мессы похоронная процессия двинулась на Новое кладбище, которое расположено совсем недалеко от храма. Мороз и ветер не отпугнули никого из знавших покойного. Проститься с любимцем Перми пришли десятки людей. К могиле Винарского возложили венки от музыкального кружка, от родных и друзей, от Общественного собрания, от учеников и учениц. Трогательно было видеть, как молилась молодая Пермь над открытой могилой.

В прощании с музыкантом было и такое обобщение: «Пермь обязана тебе многим, незабвенный Людвиг Иванович, очень многим: последние годы жизни ты посвятил преподавательству, создавал, образовывал, шлифовал и вдохновлял своих учеников по фортепьянной и скрипичной игре, по пению и по познанию теории музыки». Преподавал Винарский в нескольких учебных заведениях, в том числе в реальном училище.

В год смерти Винарского в «Пермских губернских ведомостях» появилась любопытная заметка о предстоящем концерте 14-летнего скрипача, ученика Петербургской консерватории Арчика Пазовского, который учился по классу профессора Ауэра. Речь идет о будущем известном дирижере, народном артисте СССР, лауреате трех Государственных (Сталинских) премий Арии Пазовском (1887–1953). В газете за 1901 год репортер еще написал: «Пазовского мы уже слышали прошлым летом, он произвел наивыгоднейшее впечатление. Нам, землякам, приятно констатировать, что он блестяще оправдывает надежды, которые возлагал на него первый его наставник по скрипичной игре покойный Л. И. Винарский...»

Было и другое наследие музыканта, вполне осязаемое, материальное – его тщательно подобранная богатая библиотека, под которую в квартире была отведена целая комната. Книгами, нот-

ным материалом из своего собрания Винярский щедро разрешал пользоваться всем желающим. Друг его, Сергей Андреевич, вспоминал, какую кипу трактатов о композиции выложил ему Людвиг Иванович, услышав, что он занимается сочинением музыки.

Завещания музыкант не успел оставить. Где теперь его библиотека? Друзья боялись, что ценнейшее собрание запишут как «выморочное имущество», то есть казна заберет. По некоторым сведениям, книги Винярского и ноты были переданы в общественную библиотеку. В каталогах музыкально-нотного отдела областной универсальной библиотеки имени А. М. Горького, к сожалению, эта фамилия не значится. Скорее всего, книги оказались рассеяны по отделам. Вполне вероятно, что читатели старейшей пермской библиотеки до сих пор пользуются книгами, привезенными в наш город Л. И. Винярским, которые он читал и через которые до нас доходит незримый свет его доброты и таланта.

Быть добрыми по отношению к таланту – вот его самое главное завещание.

В. ГЛАДЫШЕВ.

И АРХИТЕКТОР, И АКТЕР...

мя Александра Бонавентуровича Турчевича-Глумова теперь мало кому известно, хотя некогда строительно-техническое бюро этого архитектора пользовалось заслуженной славой первоклассных зодчих не только в Перми, но и во всей Пермской губернии. В некрологе в «Записках Пермского отделения Императорского русского технического общества» за 1910 год сообщалось: «Всего им произведено до 150 построек, между которыми до 40 оконченных и 10 неоконченных церквей. Наиболее выдающиеся из возведенных покойным следующие постройки: а) в г. Перми — дом Н. В. Мешкова, Казенная палата, дом Е. И. Любимовой, дом С. М. Грибушина, дом Камчатова, епархиальное женское училище, церковь св. Магдалины и б) в уездах церкви: в Лысьвенском и Мотовилихинском заводах, Верхотурье, собор в Осе, церкви в Кунгуре и Ершовке и заводские постройки в Березниках, а равно здание гимназии в г. Сарапуле Вятской губернии».

Александр Бонавентурович Турчевич родился 26 февраля 1855 года в дворянской семье польского происхождения на Киевщине. По окончании киевской гимназии он поступил в Строгановское училище, но полностью курс обучения не прошел. По-видимому, причиной ухода из училища явилось сильное увлечение театром, которому он предполагал посвятить всю свою жизнь. Этим пока объясняется и его появление в Перми.

Известно, что в 1878 году открыл свой первый театральный сезон новый Пермский городской театр, так что здесь представлялась возможность проявить себя молодым талантам. С начала 80-х годов становится заметным участие Турчевича в культурной жизни города. Он антрепренер и один из ведущих актеров театра, выступавший под фамилией Глумов. По всей вероятности, он был неплохим антрепренером, так как в 1886 году сумел убедить Пермскую городскую Думу в поддержке его проекта по передаче ему в аренду на три года сразу двух театров — в Перми и Екатеринбурге. Объединив

А. Б. Турчевич-Глумов сыграл много ролей, но в роли отца казался себе самым счастливым (с сыном Борей).

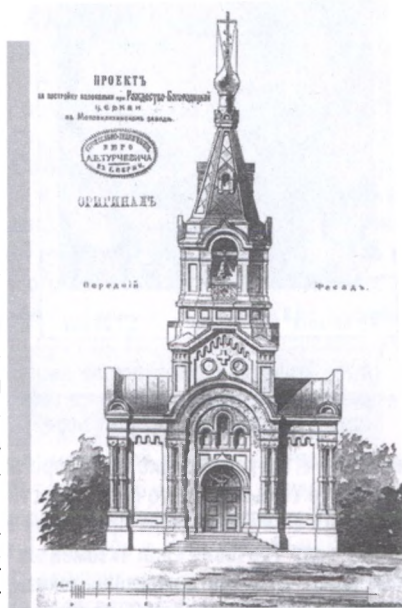
оба театра под своим руководством, Турчевич-Глумов рассчитывал создать две труппы: драматическую и опереточную, которые бы поочередно выступали в обоих городах. Для осуществления этого проекта требовались немалые деньги, которых у Турчевича не было, но он со дня на день ждал получения крупной суммы из выделенного ему наследства. Наследство же по какой-то причине задерживалось, а время шло, и Турчевич вынужден был отказаться от своего блестящего, как ему казалось, проекта, который приобрел к тому времени уже всероссийскую известность благодаря авторским публикациям в газете «Театр и жизнь».

Итак, творческая биография архитектора Турчевича началась с театра. Однако он вскоре понял, что сцена не может дать ему и его семье достаточных средств к существованию. И тогда он вспомнил о своем первом призвании и незаконченном образовании. В 1885 году Турчевич сдал экзамен на право производства строительных работ и начал принимать заказы. Эта вторая область его деятельности оказалась более плодотворной, чем первая, сценическая, которую он тем не менее никогда не оставлял.

Всю свою строительную деятельность А. Б. Турчевич осуществлял как частное лицо. В 1888 году им было основано строительно-

техническое бюро по составлению всевозможных проектов и смет на строительство самых различных объектов — от крупных культовых и общественных зданий, богатых частных особняков до небольших жилых обывательских домов, любых, по желанию заказчика, служб и коммуникаций, проектов на расширение и перестройку существующих зданий и сооружений. Бюро размещалось в обширном двухэтажном каменном доме Турчевича, что на углу нынешних улиц Н. Островского и Большевицской, построенном в 1892 году по его же проекту. Несмотря на большой объем выполняемых работ, штат бюро был невелик — всего четыре человека: сам А. Б. Турчевич и три техника-чертежника — И. И. Мартемьянов, П. К. Сунгуров и Ф. Е. Морозов. Все они были большими практиками, хорошими специалистами. Турчевич мог смело положиться на каждого из них при выполнении самых сложных и ответственных заказов. Поэтому небольшой коллектив строительно-технического бюро А. Б. Турчевича сумел быстро завоевать доверие заказчиков не только в Перми, но и во всем Уральском регионе.

Авторитет бюро подтверждается получением крупных заказов. В 90-х годах прошлого века им подготовлены чертежи на расширение Пермского кафедрального Спасо-Преображенского собора. Это

Титульный лист проекта
Рождественско-Богородицкой
церкви, разработанный
в бюро А. Б. Турчевича-Глумова.

была уже вторая перестройка, а точнее, расширение за время его существования (первая перестройка проводилась в 1850 году по проекту архитектора Г. П. Летучего).

А. Б. Турчевич решал задачу расширения другой пермской культовой постройки — Свято-Троицкой единоверческой церкви. Эта церковь была построена (1834—1837) по проекту известного уральского архитектора И. И. Свиязева. Она располагалась в центре Сенного рынка, на месте нынешнего главного корпуса политехнического института (церковь была разобрана в 1930 году) и представляла собой замечательный памятник классицизма. Как и в предыдущем случае, архитектор деликатно и тактично внедряется в существующую постройку храма и в тот сложившийся городской ансамбль, куда она была включена.

В первые годы XX века строительно-техническое бюро занималось перестройкой здания Казенной палаты в городе Перми. К этому объекту А. Б. Турчевич обращался дважды. Один заказ (1903 г.) касался внешнего убранства здания, второй — устройства зала заседаний.

Приведенные примеры не могут показать своеобразия творческого метода архитектора, так как в них он был жестко ограничен рамками заранее выстроенного художественного образа и определенными стилевыми особенностями. Творчество Турчевича охватывает период последних десятилетий XIX и первого десятилетия XX века. Если включить его в контекст истории отечественной архитектуры, то это окажется время эклектики и вызревания на ее почве модерна. Среди всего многообразия форм и мотивов, используемых архитектурой того времени, постоянно выделяются две тенденции: применение на основе позднего классицизма мотивов общеевропейского художественного языка и утверждение национальных форм. Первая тенденция приводит к живописному модерну, вторая — через эклектику русско-византийского стиля, псевдорусский стиль — к модерну в русском стиле (или модерну с национальным оттенком). Все эти сложные процессы путей развития архитектуры конца XIX — начала XX века в России отразились и в творчестве Александра Бонавентуровича Турчевича.

Если выделить ранние самостоятельные работы, то можно отметить, что А. Б. Турчевич сразу же демонстрирует себя зрелым, грамотным, обладающим большим вкусом архитектором. Такие сохранившиеся пермские постройки, как дом Мешкова (1885—1887, ныне здание Камского речного пароходства), дом Любимовой (90-е годы, ныне здание ТЮЗа), дом Тупицыных (1888, ныне здание ФСБ), собственный дом Турчевича (1892), показывают, что их автор имел определенные, вполне сложившиеся эстетические взгляды и умел найти средства для их выражения. Все перечисленные примеры относятся к так называемой архитектуре эклектики, но эклектика Турчевича достаточно цельна, отличается определенным художественным единством, что достигается во многом широким применением и умелым использованием элементов классицизма.

Первой крупной известной работой Турчевича (выполненной еще до организации строительно-технического бюро) явилось восстановление дома, ранее принадлежавшего заводчику Яковлеву, построенного в 20-х годах прошлого века предположительно по проекту И. И. Свизева и сгоревшего в 1842 году. В начале 80-х годов обгорелые и заброшенные стены были куплены пароходчиком Мешковым, и от нового хозяина Турчевич получил заказ на возрождение дома. С поставленной задачей он успешно справился, дав зданию новое оформление в духе современной интерпретации классицизма. В результате реконструкции сгоревший дом Яковлева превратился в замечательный дворец Мешкова. Это здание, приводившее в восторг современников, остается и по сей день одной из красивейших построек старой Перми.

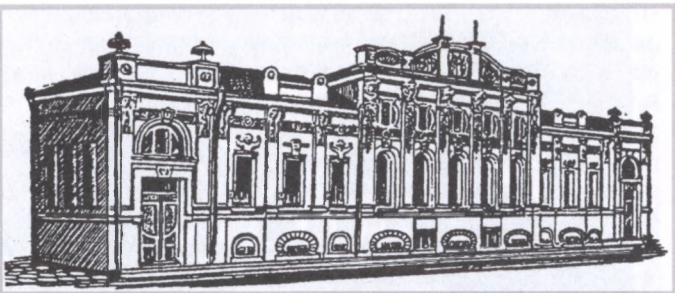
Руку того же мастера можно узнать в облике особняка Любимовой. Ей принадлежал и рядом стоящий дом, что на углу улиц Сибирской и Большевицкой, занимаемый теперь рестораном «Кама». Он тоже был перестроен по проектам бюро Турчевича из более старого, выстроенного в первой половине XIX века. В этом случае, вероятно по требованию заказчика, архитектор существенно изменил фасады с целью устранения в облике былой сухости. Оба дома Любимовой в сочетании с домом губернатора, обновленного элементами модных

Дом паромщика Мешкова – одна из «визиток» Перми.

течений в архитектуре, образовали интересный ансамбль одного из перекрестков Сибирской улицы. Даже деревянные строения так цельны, что производят впечатление выточенных из камня. Они имеют убранства того же самого качественного уровня, что и каменные строения, и потому могли успешно соседствовать, составляя единый ансамбль. Среди деревянных построек, выполненных по проектам бюро, можно выделить несохранившиеся дома по улице Луначарского, 59, на углу улиц Попова и Большевицкой, дом Успенского женского монастыря. Их планировка всегда функционально продумана.

Как вполне самостоятельные, детально проработанные, включенные в ансамбль усадьбы выглядят бытовые, санитарно-очистительные, хозяйственные и служебные постройки. Эти сооружения, в большинстве случаев не сохранившиеся, даже более красноречивы и показательны, чем крупные работы, если говорить о культуре, профессионализме, добросовестности и работоспособности архитектора.

Дом купца Грибушина — замечательный пример модерна.

Бюро Турчевича проектировало одни из первых в городе водоотливные, канализационные, очистительные устройства.

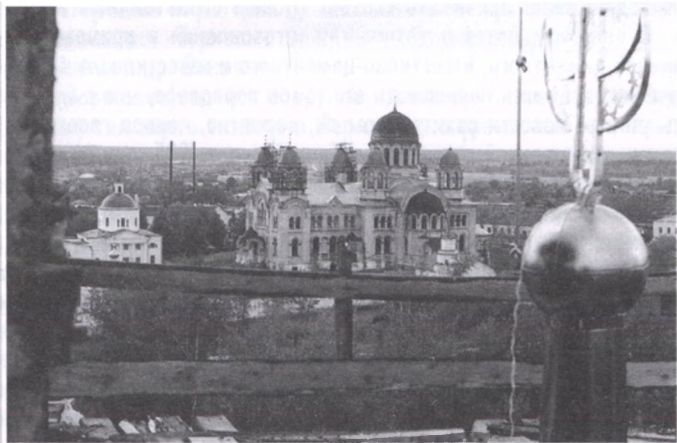
Среди зданий, сооруженных по проектам А. Б. Турчевича, выделяются те, что выстроены из красного кирпича. Таково бывшее здание епархиального женского училища (ныне областной госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны по улице Горького, 15). Сочетание тяжеловесности строительного материала и архитектурных форм, естественной цветовой активности красного кирпича с легким узором кирпичной кладки, изящной решеткой на кровле создает контраст движения и спокойствия, силы и тонкого проявления красоты.

Украшением старой части Мотовилихи была бы Никольская церковь, если бы сохранилась. Только люди старшего поколения помнят, как она выглядела и каких трудов стоило ее сломать. У этой церкви была своя легенда. Работы по составлению проекта начали практически сразу же после смерти Николая Гавриловича Славянова. Незадолго до этого умер другой горный начальник Пермских заводов, Николай Васильевич Воронцов. Так что не случайно церковь была наречена Никольскою. В сознании людей она связывалась с именами этих двух выдающихся инженеров. Как и все создания А. Б. Турчевича из красного кирпича, церковь в Мотовилихе напоминала скорее затейливый резной теремок, чем культовую постройку. Привлекают внимание также Троицкий собор в Осе, заложенный в 1902 го-

ду, и Предтеченский храм в Кунгуре, освященный в 1904 году.

В творческой биографии Александра Бонавентуровича случалось и так, что блестящие замыслы и безукоризненно выполненные проекты оставались только на бумаге – по причинам, от архитектора не зависящим. Так произошло, например, с чувовским Троицким храмом. Он был задуман как оригинальное, не похожее на другие его работы, сооружение. Но слишком дорогой оказалась новая церковь, и рабочие предпочли свою маленькую деревянную Ксениевскую церковь роскошному и дорогому храму Турчевича, а открытки с ее изображениями, сохранившиеся у некоторых краеведов и коллекционеров, до сих пор вводят в заблуждение.

Удалось, наконец, подтвердить ранее высказанную А. С. Терехиным атрибуцию дома купца Грибушина в Перми по улице Ленина, 13. Автором проекта этого дома действительно является А. Б. Турчевич. Дом Грибушина — замечательный пример модерна, наиболее прогрессивного направления в архитектуре конца прошлого — начала нынешнего века. Наиболее запоминающаяся деталь декоративного убранства дома — маскароны: маски идеализированных жен-

Величественный Крестовоздвиженский собор (Верхотурье).

ских лиц в капителях пилястр и композиций парапетов, завершающих главный фасад.

О качестве работы бюро Турчевича свидетельствуют не только строения, выполненные по его проектам, ставшие памятниками архитектуры, но и сами чертежи, представляющие замечательный пример архитектурно-технической графики конца XIX — начала XX века. Они существенно отличаются от многих прочих аккуратностью, завершенностью, детальной проработкой, большим художественным вкусом. Даже бумага использовалась только высокого качества.

Рассмотрев круг наиболее известных на сегодняшний день архитектурных работ, есть возможность добавить к творческому портрету А. Б. Турчевича некоторые черты, характеризующие его отношение к архитектуре и людям, с которыми он работал. Александр Бонавентурович возвел строительное дело в ранг искусства. Его творчество поддерживалось неутомимым трудом, учебой, осведомленностью в достижениях отечественной и зарубежной практики. О компетентности архитектора в этих вопросах свидетельствуют его публикации. Так, в «Пермских губернских ведомостях» за 22 марта 1908 года можно прочитать статью «Новый строительный материал». В ней сообщается о технологии изготовления и применения за границей цементного, известково-цементного и известкового кирпича. Турчевич стремился перенимать все самое передовое, что ему удавалось узнать. Новости архитектуры он, вероятно, черпал главным образом из специальной литературы. Кроме того, в 1905 году он с целью изучения зарубежного опыта совершил поездку в Западную Европу.

Турчевич интересовался не только самим процессом строительства, но и взаимоотношениями между инженерами, техниками, подрядчиками и рабочими. Он одним из первых обратился к вопросам психологии жизнедеятельности трудового коллектива. В этом отношении показательна его статья, представляющая перевод лекции одного из профессоров Парижской горной академии под названием «Экономическая и социальная роль инженера». Он, по-видимому, полностью разделял позицию автора и стремился следовать вытекающим из статьи рекомендациям.

Хотя работа в строительнотехническом бюро занимала у А. Б. Турчевича львиную долю времени, он и его жена Ольга Петровна не бросали Пермский театр до конца своей жизни. Александр Бонавентурович в 80-е годы выступал в качестве антрепренера театра, но пермяки больше его знали как актера и режиссера. Ответ на вопрос, что представлял из себя Турчевич как актер, мы находим в краткой биографической справке, составленной его товарищем по сцене А. И. Чайкиным, занимавшимся впоследствии сбором материалов по истории Пермского театра: «Турчевич-Глумов Александр Бонавентурович (Борисович), артист из труппы известного антрепренера Медведева, служил много сезонов в Перми. Одно время был компаньоном антрепризы. Его жена, Ольга Петровна, была тоже артисткой драмы. Глумов как драматический артист пользовался в свое время большим успехом у пермских зрителей как исполнитель ролей героев-любовников и героев-резонеров, обладал большим художественным вкусом и чувством меры, прекрасной внешностью и чудесным характером. Много раз я смотрел его исполнение, был с ним знаком.

Ольга Петровна Турчевич.

Летом 1896 года я вместе с ним принимал участие в пьесе «Параша-сибирячка», которая была поставлена в Пермском театре в память коронования царя Николая II. Он режиссировал и играл роль Неизвестного, а я был его помощником и исполнял роль Одного из народа.

Впоследствии Глумов получил большое наследство, открыл в Перми архитектурно-строительное бюро, был хорошим архитектором-строителем и «душою местного общества» вместе со своей женой, женщиной очень развитой, культурной и неглупой».

Ольга Петровна увлекалась фотографией и состояла членом Пермского фотографического общества.

Общительный характер, отзывчивость, чувство милосердия, свойственные А. Б. Турчевичу, неплохое материальное положение — все это позволяло привлекать его в различные общественные и благотворительные организации, существовавшие в то время в Перми. Просмотр ежегодно издававшихся «Адрес-календарей и памятных книжек Пермской губернии» наше предположение подтверждает. Мы нашли имя А. Б. Турчевича в «Адрес-календарях» за ряд лет как пожизненного почетного члена Пермского губернского попечительства детских приютов, почетного члена Пермского епархиального училищного совета, а также почетного пожизненного члена Пермского общества попечения о лицах, освобожденных из мест заключения, и Пермского дома трудолюбия. 7 октября 1909 года губернское присутствие по земским и городским делам разрешило учредить в Перми Общество любителей живописи, ваяния и зодчества. Председателем вновь организованного общества, на которое культурные силы города возлагали большие надежды, был избран А. Б. Турчевич.

Но на этом посту он пробыл недолго. 31 декабря 1909 года «Пермские губернские ведомости» поместили траурное объявление: «Александр Бонавентурович Турчевич скончался 30 декабря, в 9 ч. 45 мин. вечера, о чем жена и сын извещают знакомых. Вынос тела из квартиры в костел в 10 ч. утра 31 декабря. Похороны на Новом кладбище в 11 ч. утра того же дня».

Александр Бонавентурович умер на 55-м году жизни в расцвете творческих сил. Его жизнь целиком принадлежала искусству театра и архитектуры. И если сценические образы, созданные им, давно ушли в небытие, то образы, воплощенные в камне, живут, вызывая восхищение сменяющихся поколений.

*Л. КАШИХИН,
Л. ПЕРЕСКОКОВ.*

...И РЕФОРМАТОР ТЕАТРА

Александр Бонавентурович Турчевич-Глумов глубоко постиг основы театрального дела в Перми. Полученные знания и опыт позволили ему выдвинуть ряд новых принципов деятельности драматического театра, которые он изложил в газете «Театр и жизнь» (в номерах за 9 и 11 марта 1886 года), пытаясь придать им общероссийскую огласку, познакомить со своими соображениями широкую театральную общественность не только Перми, но и страны в целом. А свои реформаторские предложения для уральских театров он изложил в газете «Екатеринбургская неделя» (2 и 9 апреля 1886 года).

«В письме этом, — писала московская газета «Театр и жизнь», — наши читатели найдут многое, служащее как бы подтверждением мнений, высказанных нами ранее, и, кроме того, проект г. Глумова (под такой фамилией он чаще всего выступал в ту пору), который нам кажется основательным и которому мы в принципе вполне сочувствуем».

Свое письмо А. Б. Глумов начинает с размышления о причинах «падения театрального дела», и размышления эти отличаются глубиной и основательностью. Он сразу же отбрасывает как несерьезное утверждение о том, что антреприза благодаря «громдным жалованиям артистов разоряется и потому не может достойным образом ставить пьесы». Такое суждение верно только отчасти, считает он. Солидные «жалованья» актерам, представляющим коренные силы известной труппы, антрепризы не разорят. Хорошая труппа всегда дает лучшие сборы, чем посредственная.

Разоряют же антрепренеров гастролеры. Гастроли — дело обоюдоострое, и прибегать к ним антрепренерам следует «весьма осторожно». Гастроли знаменитых актеров, таких как Барнай, Федотова и др., развивают вкусы публики и, конечно, способствуют подъему театрального дела, а следовательно, и выгоды его. Но гастроли «других господ», имена которых Глумов не приводит, «чтобы не драз-

нить гусей», вкусов публики не улучшат, а антрепризу «раззорят». Сегодня с гастролером мужского или женского пола сбор большой – а завтра гастролер уехал, и театр пустует.

«Любя искусство и относясь к нему строго, я много думал о том, – писал Глумов, – где те причины, на которые надо действовать сначала, чтобы понять театральное дело». Он считает, что в этом деле по-настоящему серьезно могут разобраться только профессионалы. Он советует вспомнить об уровне развития актера, «об отношении его к репетициям, о положении его в труппе и в обществе...»

И из-за кулис на вас выглядит «безобразная фигура сезонной службы». Сама среда, в которой живут и работают актеры, не благоприятствует тому, чтобы они заботились о своей репутации, о своем престиже. Актеры «съезжаются» из разных мест России на 5–6 месяцев, совместно трудятся, а затем перемещаются в другие города и «лицедействуют» там. «Зачем им, – вопрошает Глумов, – входить в какие-либо человеческие отношения друг к другу и к обществу? Зачем им заботиться о своем общественном положении, о своей репутации?..»

«Я актер, и режиссер, и декоратор, и антрепренер, – писал он, – мне одинаково близки интересы всех деятелей сцены, поэтому я особенно живо чувствую, как тяжело отражается сезонная служба на театральном деле, и я страстно желаю помочь по мере моих сил этому дорогому для меня и падающему делу. Я хочу поставить дело на новых началах – заменить сезонные контракты двухгодовыми».

При условии поддержки идеи обновляющейся живыми новыми силами постоянной труппы Пермского театра в дальней перспективе обязательно должны измениться личные отношения между актером, режиссером, антрепренером, с одной стороны, и обществом – с другой. Это будет выражаться в том, что каждый актер, заключивший такой контракт, получает более солидное положение в обществе и в среде товарищей-актеров. В этих условиях он постарается поддерживать добрые отношения с ними, и станет заботиться о постановке театрального дела, так как от этого будет зависеть его двухгодовое спокойствие.

Все свободное от сезона время труппа будет посвящать постановке пьес классического репертуара и новых хороших драматических произведений, что в современных условиях, считает Глумов, совершенно немыслимо, поскольку труппа по окончании сезона немедленно распадается. Антрепренер уверен, что при такой системе в лучшую сторону изменится и финансовая сторона жизни актера, и приводит подробные расчеты. При сезонном контракте актер, получающий 200 рублей в месяц, при двухгодичном контракте соглашается получать 1300 рублей в год, при этом все переезды труппы на новое место, конечно, производятся за счет антрепренера... Таким образом двухгодичные контракты оказываются выгодными для актеров и посильными для антрепренеров.

Предложения А. Глумова нашли поддержку в Перми и Екатеринбурге. Помогли городские Думы этих городов, общество поддержало, антрепренеру отдали два театра на три года.

Интересно, что на первое амплуа в оперетках А. Глумов приглашал нескольких артистов с условием, чтобы часть сезона они пели в Екатеринбурге, часть – в Перми. Таким путем он рассчитывал дать «требуемую публикой оперетку», не вступая пока в конфликт с установившейся театральной традицией.

Для драматических трупп двух указанных уральских городов А. Глумов намеревался пригласить «двух или трех первых персонажей». Ни Пермь, ни Екатеринбург не могут дать таких сборов, которые покрыли бы содержание в каждой труппе первоклассных, с очень высокими окладами, первых сюжетов. Но оба города первых персонажей окупить могут. Они будут переезжать из Перми в Екатеринбург и обратно, но не как гастролеры, а как постоянные участники двух трупп.

Репертуар театров рассчитывался так, чтобы пьесы, на которые нужны первоклассные силы, ставились сначала в одном городе, а потом – в другом. Для того чтобы упорядочить отношения внутри театральных трупп, Глумов предлагал даже сборы от бенефисов складывать в общую кассу (!), а по окончании сезона делить их пропорционально жалованью. При согласии актеров на такое усло-

вие антрепренер намеревался в начале сезона ставить в афишах бенефисы на весь сезон.

Для провинциальных театров, не только Перми и Екатеринбурга, письмо А. Глумова имело существенное значение. Оно положило начало переходу от сезонных трупп к постоянным. Это позитивно сказалось на их жизнедеятельности во многих отношениях – нравственном, профессиональном, материальном, бытовом. Наконец, его несомненную услугу перед периферийными театрами, и, в частности, перед Пермским, нужно усматривать в том, что он положил начало процессу превращения театра в культурно-просветительное учреждение, финансируемое городской Думой. Это поставило театр на новый уровень жизнеобеспечения, не зависящего теперь только от театральных сборов и, следовательно, заинтересованного подыгрывать, в определенном смысле, отнюдь не прогрессивным вкусам публики.

*В. СЕМЕНОВ,
профессор Пермского
педагогического университета,
доктор философских наук.*

НА ПОЛЬЗУ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Вчера, 29-го февраля, в 11-м часу утра, после продолжительной и тяжелой болезни (порока сердца), скончался, на 66-м году жизни, бывший пермский губернский инженер, гражданский инженер, д. с. с. (действительный статский советник. – Прим. автора) Рудольф Иосифович Карвовский. Смерть Р. И., без сомнения, вызовет искренние сожаления у всех знавших усопшего. Личные душевные качества Р. И., симпатичного, простого и гуманного, невольно располагали к нему людей...» – так написано о Карвовском в некрологе, опубликованном 1 марта 1896 года в «Пермских губернских ведомостях».

А 1 марта в его квартире на Вознесенской (Луначарского, 44 – снесен в конце 80-х годов) были отслужены две панихиды, на которых присутствовали начальник Пермской губернии П. Г. Погодин и много других горожан. Потом последовал вынос тела из дома, который построил для своей семьи в 1883 году архитектор, в римско-католическую церковь для отпевания.

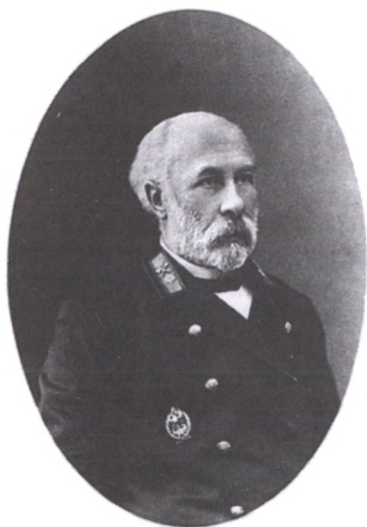
В надгробной речи инспектора реального училища С. Н. Стемпневского на новом Егошихинском кладбище прозвучали, в частности, такие слова: «Тридцать с лишним лет пришлось ему прожить в нашей губернии почти безвыездно, если не считать трех лет (1874–1877) пребывания в Уфе, в качестве губернского архитектора. Здесь, в Перми, протекли лучшие годы его жизни, здесь он женился, обзавелся семьею. Здесь он много потрудился на пользу Пермского края... Строя: храмы, где утомленная житейской суетою душа ищет отдых в молитве; заводы, фабрики; жилые дома, где тихо протекает будничная жизнь мирных граждан; тюрьмы, где правосудие исполняет неумолимую волю закона, – Рудольф Иосифович должен был невольно проникаться глубиной идей, воплощением которых стали служить его постройки... Многим из нас, здесь присутствующим, памятна общественная деятельность Рудольфа Иосифовича в качестве председателя уездных земских собраний и гласного земского собрания в 1891 году...

Да, дела твои на каждой почти улице и перекрестке твоей второй родины долго будут напоминать нам о полезной деятельности на той земле, которой суждено теперь покрыть твои бранные останки. Да будет она тебе легка, дорогой Рудольф Иосифович! Мир праху твоему!»

Так окончил свой земной путь прекрасный человек и талантливый архитектор, которого справедливо будет занести в плеяду замечательных людей Прикамья.

Рудольф Иосифович (Осипович, как его величают другие исследователи) родился в 1830 году в Ковенской губернии, в дворянской семье, окончил в Петербурге строительное училище, впоследствии преобразованное в институт гражданских инженеров. 1 августа 1850 года произведен в губернские секретари и назначен ар-

хитекторским помощником в Пермскую строительную и дорожную комиссию, а в январе 1854 года произведен в коллежские секретари. Через два года Карвовский был назначен архитектором для производства работ, а затем он постепенно занимал должности члена дорожной комиссии, младшего архитектора учрежденного в 1865 году строительного отделения Пермского губернского правления, уфимского губернского архитектора, исполняющего делами, а в 1878 году утвержден в должности пермского губернского инженера, на которой прослужил около 19 лет.

Р. И. Карвовский.

В Перми им спроектирован ряд зданий, которые исследователем архитектуры А.С. Терехиным отнесены к стилю позднего классицизма. Это: особняк Дягилева (1850-е, ныне муниципальная гимназия имени С. П. Дягилева), здание городского театра (1874, достраивалось в 1875–1878 годах архитектором В. В. Попатенко), здание окружного суда (построено по проекту И. И. Связьева в 1820 году, а в 1851–1874 годах перестроено по проекту Р. И. Карвовского; ныне здесь, на Куйбышева, 39, Пермская государственная медицинская академия).

Им также спроектированы вновь или перестроены здания, в которых нашли выражение стилевые формы классицизма и эклектики: тюремный замок (ныне на Клименко, 24, учреждение ИЗ-57/1), Казенная палата (1851–1874, теперь здесь администрация города), пересыльная тюрьма (ныне театр кукол), лютеранская кирха (1861–1864), духовное училище (1885, теперь здесь Пермский государственный институт искусств и культуры), доходный дом М. М. Барановой (ныне здесь, на Коммунистической, 51, Городской центр санитарно-эпидемиологического надзора), усадьба А. Н. Серикова (1871, теперь здесь, на Малой Ямской, 9, станция юных туристов). Подумать только: все это об одном человеке!..

Кроме несения своей прямой службы, Рудольф Иосифович был директором тюремного комитета, попечителем исправительного арестантского отделения, попечителем Мариинской женской гимназии, членом Пермской ученой архивной комиссии, управлял экспедицией о ссыльных. В 1886 году назначен членом комитета по устройству в Екатеринбурге сибирско-уральской выставки 1887 года и занимался разработкой общих планов размещения выставки и ее павильонов. Карвовский был награжден бриллиантовыми перстнями посетившими Пермь великими князьями Алексеем Александровичем и Михаилом Николаевичем.

Не все гладко было в его карьере. В формуляре (так назывались личные дела ведомств до 1917 года) обнаружено прошение надворного советника Карвовского от 3 июля 1874 года, которое проливает свет на препятствия в служебной карьере. В то время он был еще младшим архитектором. Обращаясь к председателю Технического

Дом Дягилевых строил молодой Карвовский.

строительства комитета МВД (в его ведении находились все архитектурно-строительные команды России), Карвовский пишет: «Безвыходное положение, в котором я нахожусь, служа на одной должности без всякого повышения более 24 лет, тогда как в это время не только все мои товарищи по воспитанию в строительном училище меня опередили, но даже и те, которые окончили курс 10-ю годами позже, заставляет меня обратиться к Вашему Превосходительству со всепокорнейшей просьбой, обратив внимание на многолетнюю службу, наградить меня назначением на должность управляющего строительным отделением Пермского губернского правления...» (цитируется по сборнику: «Грибушины и время...», тезисы Е. Д. Харитоновой). На это последовал отказ, мотивированный тем, что другой претендент был старше по возрасту...

30 августа 1891 года архитектор был произведен в действительные статские советники, а летом 1896 года по болезни оставил службу. Он имел следующие ордена и знаки отличия: Святого Станислава II степе-

ни, Святой Анны II и III степени, Святого Владимира III и IV степени, медаль в память войны 1853–1856 годов, знак отличия беспорочной службы за 50 лет.

По проектам Р. И. Карвовского построено много зданий в 15 городах и населенных пунктах Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний. С его именем еще связана капитальная перестройка главного корпуса Александровской больницы (1874, ныне здесь, на Пушкина, 85, областная клиническая больница), приспособление здания для детей канцелярских служащих на Сибирской, 24, для губернаторской земской управы (1872, теперь здесь учебный корпус Пермского государственного педагогического университета) и постройка пожарной каланчи (современный адрес – Куйбышева, 11, хотя Е. Д. Харитонова в своей статье о Карвовском упоминает о каланче при пожарном депо 1-й части Перми, а ее нынешнее местонахождение – на Большевицкой, 53а).

Карвовский так же автор ряда крупных градостроительных объектов, административных и общественных зданий: в Кунгуре – Гостиный двор (1865–1876); в Уфе – планировка и застройка Верхне-Торговой площади (1866–1867), здание деревянного театра (1875) и церковь архиерейского дома (1874–1876); в Ирбите – колокольня соборной церкви.

Своим творчеством Р. И. Карвовский оказал существенное влияние на развитие архитектуры городов Урала.

*В. СЕМЯНИКОВ,
краевед.*

ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Наш поиск начался с попытки расширить представление о таком немаловажном культурном факте, содержащемся в летописи губернского города Перми за 1876 год: открытие первого специального книжного магазина Иосифа и Ольги Петровских (Пиотровских). Раньше в городе существовала только мелочная книжная торговля преимущественно учебниками... Так впервые более двадцати лет назад нам встретилось это имя. Старожилам Перми памятно это здание в центре города – на пересечении улиц Покровской (ныне Ленина) и Сибирской – как «Книжный магазин Ольги Петровской». В 1960-х годах были встречи с людьми, посещавшими его, лично знавшими владельца. В те годы начали появляться в печати забытые имена, о которых нельзя было упоминать в сталинские времена. Как позже выяснилось, родственники Петровского вынуждены были уничтожить его дневник. Работа в пяти архивах страны (Перми, Санкт-Петербурга, Москвы, Иркутска, Кирова) за последние десять лет позволила почти полностью воссоздать биографию этого достойного памяти потомков человека, бывшего участника Польского восстания 1863 года. Лишь один раз имя Иосифа Пиотровского встречено в исследовательской литературе по Польскому восстанию – в сведениях об участии студентов в повстанческих отрядах – в числе всего троих (!) медиков, обучавшихся в Петербурге.

Юзеф-Раймунд, сын Юлиана Пиотровского, происходил из разорившейся провинциальной польской шляхты, так называемых западных губерний России. Его предки, жившие еще в начале XVII века в Полоцком воеводстве, принадлежали к старинному роду Корвин-Пиотровских.

Данные похвального аттестата Юзефа в Витебской гимназии от 2 июня 1859 года свидетельствовали о его способностях и стремлении учиться дальше. Вместо того чтобы идти в гражданскую службу, он подает прошение в Конференцию Петербургской медико-хирургической академии: «...Желаю поступить в число студентов...

по медицинской части, покорнейше прошу... допустить меня к предварительному испытанию». Известно, что он сдал экзамен по курсу латинского языка при 2-й Петербургской гимназии. Итак, с 1859 года Юзеф Пиотровский стал студентом первого курса медицинского-хирургической академии. Надо полагать, что во время учения он находился на «казенном содержании», о чем свидетельствует его прошение 1862 года.

Юзеф-Раймунд Пиотровский.

Пора учебы Юзефа в академии совпала с периодом первой революционной ситуации и наиболее активным периодом революционной деятельности воспитанников академии. Студенческое движение, охватившее учебные заведения Петербурга, и особенно университета и академии, где учился Пиотровский, было неотъемлемой частью подготовки Польского восстания 1863 года. Студенты – поляки и белорусы – сделали для подготовки восстания очень много, пожалуй, больше других слоев населения Польши (за исключением части эмиграции, посвятившей себя делу национального освобождения).

Несмотря на отсутствие документов, непосредственно подтверждающих участие Ю. Пиотровского в конкретных революционных акциях студентов академии, его связь со студенческим революционным движением несомненна. Как только вспыхнуло Польское восстание, Пиотровский под предлогом болезни выехал в родные места, чтобы принять посильное участие в деле национального освобождения родины от произвола самодержавия. Вместе с тремя то-

варищами, тоже бывшими петербургскими студентами, он принял присягу на верность делу, за которое боролся Центральный народный революционный комитет (руководящий орган Партии красных). Вместе с товарищами участвовал в важной агитационной работе по привлечению войск на сторону повстанцев, используя прокламации, изданные «Землей и волей». Под воздействием их пропаганды оказались пятьдесят воспитанников Полоцкого кадетского корпуса. И, наконец, Юзеф Пиотровский вступил в ряды вооруженного отряда под предводительством Еустахия-Болеслава Францевича Кульчицкого, боровшегося против карателей в Витебской губернии.

Действия отряда Кульчицкого разворачивались в районах Белоруссии, где наиболее ярко проступал демократический характер восстания, руководимого Кастусем Калиновским, где распространялась «Мужицкая правда», широко известная населению Дриссенского уезда. Именно там, на границе с Себежским уездом, и был разгромлен карательными войсками отряд Б. Ф. Кульчицкого 24 апреля 1863 года.

Участники восстания – свыше 9300 человек – подверглись жестокой каре российского самодержавия. Из общего числа приговоренных 972 человека были сосланы на каторгу, среди них 342 человека – из западных губерний России.

В число последних входил и Юзеф (Иосиф Юлианович) Пиотровский, чье имя значится в одном из десятков толстых фолиантов «Алфавита преступников». 24 февраля 1864 года виленский командующий (в Вильно проходил заключительный этап следствия по западным губерниям) подписал «Заключение Временного Полевого аудиториата». Приговор в отношении Пиотровского, 23-х лет, осужденного «по II категории преступников», гласил: обвиняется «в принятии личного участия в мятежах, нахождением в мятежной шайке», за что и была определена мера наказания: «По лишении... дворянского достоинства и всех прав состояния, сослать в каторжную работу на заводах на шесть лет, имущество же какое... окажется или впоследствии может принадлежать по наследству от родителей, конфисковать казне» (ЦГВИА, ф. 801, оп. 92/37, д. 94, ч. 6, лл. 489 и об. 490).

Так закончились годы юности Юзефа-Раймунда Пиотровского, студента Петербургской медико-хирургической академии, исключенного из нее в ноябре 1863 года после сообщения Витебского губернатора о том, что он как участник «шайки мятежников» содержится в Витебском остроге.

Каре подверглись и родные приговоренных к ссылке. После обыска в своем доме в Полоцке Изабелла Антоновна, как «лицо, косвенно причастное к восстанию», тоже была арестована. И без того убитую горем мать (53-х лет) привлекли к следствию. В судебных делах 1865 года она обвинялась «в хранении стихов революционного содержания» и сокрытии сына от разыскивавших его властей. Мать Юзефа подвергли денежному штрафу в сто рублей «в пользу лиц, пострадавших от мятежа». Из тюрьмы ей разрешили вернуться на прежнее место жительства, «где за ней был установлен строгий надзор полиции».

Между сроком приговора, вынесенного в феврале 1864 года в Вильно, и февралем 1865 года, когда Ю. Пиотровский оказался в Нерчинских рудниках – ровно год. Но не только громадные расстояния отделяют Ю. Пиотровского от родных мест. Позади – казематы Петропавловской крепости, «Владимирка», Сибирский тракт. А на нем – Вятка, Пермь. Тогда он еще не подозревал, что им суждено будет вписать в его биографию существенные страницы. Юзеф был молод и полон гордости за себя и своих товарищей. На следствии молодые люди (трое других были еще моложе: Станислав Бахалович – 19 лет, Антон Корсак и Адольф Куллак – по 20 лет) «при допросах не выразили раскаяния». Они ни в чем не сознавались, даже в знакомстве друг с другом. К тому же судьи не смогли предъявить прокламаций и вообще никаких документов, найденных при обыске и избличавших студентов в агитационной деятельности, – чувствовался уже опыт конспирации молодых революционеров. Стойкость их на допросах, вера в правоту освободительной борьбы против царизма помогли им преодолеть этапы тяжкого пути в Сибирь. Но все же грусть подступала к сердцу, когда вспоминали они о своем доме, волновались за судьбы род-

ных и близких, подвергнутых из-за них репрессиям. Вот и Красноярск, этот важнейший «перевалочный» сибирский пункт ссыльных. По данным Министерства внутренних дел (1868), через Красноярск в течение года в среднем проходило по 7,5 тысячи человек, а в неделю – до 150 арестантов. Причем арестантские партии должны были отправляться еженедельно в таком количестве: «ссыльно-переселенцы – партиями в 60–100 человек, а ссыльно-каторжные – не более 60».

С кем рядом, звеня кандалами, шел Юзеф Пиотровский к конечному пункту ссылки, мы не знаем. Но в толстых фолиантах статейных списков «политических преступников», поступавших в Иркутскую губернию, можно встретить немало имен не только земляков Ю. Пиотровского, но и даже сражавшихся с ним в одном отряде.

В конце лета и осенью 1864 года в город Иркутск – последний пункт распределения ссыльных – прибывали особенно часто новые партии каторжан, в том числе много ссыльных поляков (2 августа 1864 года сюда в сопровождении двух жандармов был доставлен и Н. Г. Чернышевский).

По-видимому, во второй половине ноября 1864 года по зимнему пути Ю. Пиотровский прибыл в Иркутск. Следуют, вероятно, два месяца пребывания в пересыльной тюрьме (в списках каторжных, работающих в Иркутске и на ближних к Иркутску заводах, его нет), и, наконец, 4 февраля 1865 года его отправляют на каторжные работы в Нерчинские рудники. Пиотровского мы встречаем в списке «политических преступников из привилегированного звания», то есть разжалованных дворян, которых Иркутская экспедиция о ссыльных отослала туда (датирован мартом 1865 года). Точно, хотя и предельно кратко, известно об этих месяцах следующее: «выполнял вначале самые трудные работы в рудниках, скованный кандалами» (из некролога, помещенного в пермской газете «Звезда» от 9 мая 1923 года).

В мае 1865 года, то есть менее чем через два месяца, Юзеф Пиотровский находится на жительстве в деревне Сиваково. Об этом мы узнаем из списка «О размещении ссыльных на Нерчинских и других заводах». Деревня Сиваково неподалеку от Читы была центром

судостроения на Амуре и местом каторги для ссыльных. По сводной ведомости «О числе и местах расселения ссыльнокаторжных политических преступников» на октябрь 1866 года, это самый многонаселенный пункт (320 человек) после Нерчинских заводов (469 человек) в Забайкальской области, остальные места каторги были заселены не так густо – от 20 до 80 человек. Отметим, что здесь, как и на Нерчинских рудниках, сосредотачивалось наибольшее количество лиц «привилегированного сословия» (201 человек). Скупые архивные строки не позволяют нам раскрыть тяготы каторжной жизни тех лет Юзефа Пиотровского. Мы лишь можем предполагать, что он использовался на подсобных работах на судоверфи и на рудниках, и, вероятнее всего, именно там он и надорвал здоровье, в частности сердце. На это он жаловался позже, будучи уже в Вятке: «Имею хронически поврежденное сердце, которое не позволяет мне трудиться тяжелым физическим трудом...» И в этом же прошении 1871 года он упоминает, что из-за этого нездорового состояния, еще находясь в Иркутской губернии, вынужден был пользоваться «кормовым пособием». Содержание этого пособия было мизерным – 8 копеек в сутки на человека.

Условия жизни в казарменных бараках или зданиях типа сельской тюрьмы, где ссыльные мерзли зимой, мучились от скученности и прочих неудобств, не способствовали сохранению здоровья. Так, в 1866 году даже местная администрация была обеспокоена и доносила, что «летом в подпол тюремных помещений залилась вода и заморзла, от чего на зиму оставлять там политических преступников невозможно». В результате из Сиваково в Нерчинские заводы перевели 120 человек. Трудности были связаны и со снабжением каторжан продовольствием. Иногда это могло повлиять и на их судьбы. Возможно, с неурожаем 1865 года в Забайкалье, когда даже с Карийских золотых рудников было переведено 2300 ссыльных в другие губернии Сибири, было связано сокращение срока каторги ряду политических ссыльных.

По «Высочайшему повелению» от 16 ноября 1866 года шестилетний срок каторги Ю. Пиотровского был сокращен наполовину. Но

еще раньше его почему-то решено было перевести из Забайкалья в Иркутск, что отражено в сопроводительной к статейным спискам ссыльных, отправленным в Главное управление Восточной Сибири от 16 февраля 1866 года: «...имеет честь препроводить при сем... 223 статейных списка на политических преступников, разосланных в каторжные работы по заводам и имеющих прибыть в Иркутск». Этот первый статейный список Пиотровского, найденный нами, дает некоторое представление о его внешнем облике. В графе списка под номером 80 записано следующее: «Лет – 33 (тут ошибка, часто имевшая место в подобных списках, он на семь лет моложе. – Прим. автора), веры – католической, семейства – холост, рост – 2/2 аршина, 3/9 вершка, волосы – светло-русые, глаза – голубые, зубы – целые... лицо – чистое, особые приметы – прочерк».

Итак, 1866 год был последним годом каторжной работы. Ю. Пиотровскому предоставлялось право перейти на поселение в пределах Иркутской губернии. Снова – знакомый тюремный острог в Иркутске. А оттуда тряская дорога на подводах на северо-запад от Иркутска, в селение Черемхово Черемховской волости Балаганского округа, где зарегистрировали его священники иркутского костела, составлявшие списки своих прихожан, поляков-католиков. Новое положение Юзефа Пиотровского как ссыльнопереселенца подтверждает и «Алфавит политических преступников, находящихся на поселении в Иркутской губернии» за 1867 год. С начала сентября место пребывания уже изменилось. Теперь ему суждено было осесть надолго в Братской волости Нижнеудинского округа, переехав еще дальше на север. Здесь, в селе Наротаевском, он оставался почти до конца своей ссылки, общаясь со своими бывшими товарищами по борьбе (203 ссыльных проживало тогда в Братской волости), оказывая посильную помощь местным жителям. Как бывший студент-медик, зная о распоряжении Главного управления Восточной Сибири об использовании в качестве медиков «политических преступников, получивших образование по медицинской части», разумеется «под строжайшим полицейским надзором», Юзеф Юлианович решил посвятить оставшееся время ссылки народу. Прошение об официальном разре-

шении стать сельским фельдшером подано было им не позже конца 1869 года. Именно в этом году ему удалось «вытребовать» из Петербургской медико-хирургической академии свидетельство об окончании четырех ее курсов.

«Тамошняя (Иркутская.– Прим. автора) врачебная управа предложила мне заниматься фельдшерскою обязанностью...» 10 января 1870 года Пиотровский выдержал в управе экзамен на право быть сельским фельдшером. И, не дожидаясь конца бумажной волокиты, пока придет распоряжение из Министерства внутренних дел (прошло более года), он лечил больных в своем округе «протяженностью в 400 верст». В последнее время пребывания в ссылке он занимал должность фельдшера в Николаевском железоделательном заводе Нижнеудинского округа... 31 декабря 1870 года император «милостиво соизволил» перевести Юзефа Пиотровского из Восточной Сибири в «отдаленные губернии Европейской части России», а именно – в Вятскую.

И 20 августа 1871 года Пиотровский покидает ставший уже привычным уголок Сибири. Вероятно, немало людей из окрестных сел вспоминали его добрым словом...

...И вот 29 сентября 1871 года в канцелярии Вятского губернатора были зарегистрированы вновь прибывшие из ссылки пять человек. Ю. Пиотровский был оставлен в Вятке. Тотчас же за ним был установлен полицейский надзор, от которого он был освобожден лишь через два года.

Первые месяцы пребывания в Вятке были особенно тяжелыми. Больше года ушло на поиски работы... Отчаявшись заработать кусок хлеба врачеванием, Пиотровский уже нашел новое поприще. Он поступил на службу в типографию Александра Александровича Красовского, известного вятского революционера-демократа, взяв на себя заботы управляющего и корректора его типографии. Именно тогда в Вятке и возник замысел Пиотровского заняться книжным делом. Это определило его дальнейшую судьбу. Мысль заняться книготорговлей с целью просвещения народа и пропаганды революционных идей, что было типичным для прогрессивных книготорговцев разно-

чинного этапа, могла родиться самостоятельно. Не исключено и влияние бесед с А. А. Красовским. В условиях репрессий, обрушившихся на его библиотеку, существовавшую в 1870-е годы уже под фирмой его ученика Н. И. Вершинина, у Красовского возникла мысль покинуть Вятку, он мечтал уехать подальше, чтобы как-то сохранить любимое дело. Сам он этого осуществить не смог. Ю. Пиотровский предложил ему свою помощь. Время расставания Пиотровского с Вяткой в 1875 году как раз совпадает с окончательной ликвидацией книжного дела А. А. Красовского.

Приведем лишь два документальных доказательства о перемещении книг из Вятки в Пермь. «После ликвидации книжной торговли и типографии Красовского Иосиф Юлианович (Юзеф) Пиотровский купил на имя своей жены... Ольги Платоновны все книги библиотеки-читальни Красовского и перевез их в Пермь» – читаем мы в его биографии, оглашенной на юбилее 25-летия Пермского научно-промышленного музея в связи с присвоением Ю. Пиотровскому звания почетного члена музея. Еще определеннее намерение Петровского (так его фамилию стали писать в Перми) выражено в строках его некролога: «После закрытия правительством типографии и библиотеки И. Ю. (Юзеф) решил спасти библиотеку и вместе с другими лицами перевез на лошадях в Пермь, где книжной торговли до того не было, и книги продавались вместе с железом на фунты...»

Но прежде чем говорить о Перми, упомянем о двух важных событиях, происшедших в личной жизни Ю. Пиотровского в Вятке. Это его поездка на родину к единственному родному человеку – сестре Мансвete – в конце 1873 – начале 1874 года. Разрешение на это после длительной переписки с Витебском и МВД было дано ему только на месяц.

Второе событие – женитьба на молодой вятской учительнице, ставшей его другом и единомышленницей до конца жизни. Следует отметить, что возможность переезда в Пермь открылась с получением Ю. Пиотровским свидетельства «на право свободного проживания в городах Российской империи за исключением столиц и западных губерний, кое было выдано ему за подписью вятского губерна-

тора Чарыкова 30 октября 1874 года, а также приобретения им права общественной и государственной службы» (ГАКО, ф. 582, оп. 130, д. 1817, лл. 156, 168 – по манифесту от 9 января 1874 года).

Итак, в конце 1875 года супруги Петровские переезжают в Пермь. Начинается последний, самый длительный (около полувека) и самый важный период жизни Иосифа (Юзефа) Юлиановича. Он целиком был посвящен развитию книжного дела в Перми и Пермском крае. Уже на следующий год (1876) был открыт книжный магазин и положено начало не только настоящей книжной торговле в Перми, но и распространению демократической книги. Надо подчеркнуть, что в деятельности И. Ю. Пиотровского с самого начала обнаруживается преемственность принципов и традиций книжного дела А. А. Красовского. Сохранялась и цель, поставленная последним в отношении своей библиотеки – «быть действенным орудием пропаганды передовых демократических взглядов», а также – стремление создать такой полноценный книжный фонд, который бы являл собой «средоточие мысли», по выражению Чернышевского и Добролюбова. Свидетельством тому являются оба изданных Пиотровским каталога книжного магазина 1880 и 1910 годов, его благотворное влияние на формирование взглядов молодого Е. А. Пузырева (тогда гимназиста), поначалу поступившего в ту же медико-хирургическую академию, позже основателя пермской группы Союза борьбы за освобождение рабочего класса, наконец, меры пресечений, которым его и жену подвергали в период первой русской революции.

В книжном магазине Ольги Петровской.
Слева – Ю. Пиотровский.

Приступая к новому для себя роду занятий, недавний каторжник должен был соблюдать осторожность. Само название первого изданного им каталога говорит об этом: «Каталог книг, учебных пособий и письменных принадлежностей, продающихся в книжном магазине О. П. Петровской». Но помощь учащимся – лишь часть его деятельности, просветительская направленность которой очевидна при взгляде на «послесловие» и особенно при знакомстве с содержанием каталогов. «Поставив единственной своей задачей по силе возможности удовлетворять требованиям читающей публики и вообще требованиям всех нуждающихся в книгах, магазин постоянно заботится иметь на своих полках все литературные новости». И хотя каталог открывается отделом «Богословие», среди 3380 названий книг, распределенных в 23 отделах, главное место занимают произведения русских классиков, декабристов, революционеров-демократов, писателей-разночинцев, а также труды ученых, сказавших последнее слово в науке: Дарвин, Сеченов, Бекетов, Менделеев. Из вятских книг наиболее ценно издание Флорентия Федоровича Павленкова. Факт наличия в Пермском книжном магазине в 1880 году книги крупного физика и астронома середины XIX века А. Секки «Единство физических сил», которая в переводе Павленкова превратилась в трактат, воспитывающий у читателя прогрессивное научное мировоззрение, говорит сам за себя.

Каталог 1910 года включает книги пяти издательств (из 30-ти), выпускавших произведения классиков марксизма, и десять работ К. Маркса и Ф. Энгельса.

Итак, несмотря на преследования властей, Петровский оставался верен своему делу, способствовал распространению – по мере сил и возможностей – передовых мыслей и знаний, в том числе и революционной теории. Магазин Петровских никогда не был коммерческим заведением, о чем говорят условия продажи книг со скидкой для земства и народных школ, зачастую бесплатное пополнение книгами сельских библиотек, а также воспоминание воспитанников семьи Петровских: «Магазин торговал не на прибыль, а на просвещение».

Не только само по себе открытие книжного магазина в Перми явилось важной вехой в культурной жизни города, но и дальнейшая его деятельность, направлявшаяся в нужное русло Пиотровским, оказывала существенное влияние на формирование читательского вкуса (и даже взглядов) передовых кругов пермского общества. Приведенные факты позволяют говорить о том, что вся его деятельность внесла немалый вклад в дело освободительной борьбы.

Отдавая дань памяти польскому революционеру, прожившему почти 83 года, авторы некролога в газете «Звезда» заканчивали его словами: «35 лет И. Ю. вел распространение книги, внимательно следя за книжным магазином, не пропуская халтуры. И. Ю. не замкнулся только в книжном деле. Он принимал самое широкое участие во всех просветительских учреждениях. После магазина он более всего внимания уделял Пермскому научному музею. После Октябрьской революции И. Ю. оставался до самых последних дней на работе около книги, в библиотеках, книжных складах и музеях». Книжный магазин О. Петровской (и его основателя) действительно не только помог в налаживании книжной торговли, но и участвовал в комплектовании книжного фонда библиотеки первого на Урале университета, открывшегося в Перми в 1916 году.

Мы не знаем, где точно был похоронен Пиотровский. По рассказам очевидцев, могилы бывшего ссыльного поляка и его жены находились недалеко от Всехсвятской церкви на новом Егошихинском кладбище Перми.

*Е. ХАРИТОНОВА,
кандидат исторических наук.*

БУДРИСА ОБЪЯВИЛИ ГЛАВАРЕМ

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР:

ПОЛЬСКАЯ «ОПЕРАЦИЯ» (1930 – 1940 гг.)

ервые аресты по обвинению в принадлежности к «Польской организации войсковой» (ПОВ) начались в СССР еще в 1933 году. А через три года стартовала кампания по выявлению «шпионов» и «диверсантов» среди польских политэмигрантов и поляков.

2 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об антисоветских элементах», которое положило начало «Большому террору» в стране. В том же месяце Политбюро утвердило приказ НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

Помимо общей операции по ликвидации «антисоветских элементов» было организовано несколько специальных акций. 9 августа Политбюро утвердило приказ НКВД «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ (Польской организации войсковой)». «Польский» приказ стал «образцом» для последующих национальных операций НКВД – румынской, латышской, финской, эстонской и других. Польская операция была самой крупной из всех национальных операций в рамках «Большого террора» по числу жертв.

Последний настоятель пермского католического хра-

Отец Франциск Будрис.

ма отец Франциск Будрис был арестован также за принадлежность к «шпионско-диверсионной группе» (на момент ареста он находился в Уфе). Расстрелян в 1937 году. Вместе с «руководителем заговора» в Перми проходили по делу еще 40 человек. Один из них умер в тюрьме, двое получили большие сроки, остальные были приговорены к ВМН (высшей мере наказания). По сфабрикованному делу репрессированы 24 поляка в Косе и 25 человек – в Кочево.

ХРОНИКА АНТИПОЛЬСКОГО ТЕРРОРА

1937 г., 9 августа – Политбюро утвердило приказ НКВД «О ликвидации диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ».

1937 г., 20 августа – 1938 г., 1 августа – «польская» операция НКВД.

1939 г., сентябрь – новая волна репрессий после подписания пакта Молотова–Риббентропа и захвата СССР восточных территорий Польши.

1940–1941 гг. – депортация населения в северные и восточные районы СССР с бывших польских территорий.

1941 г., 12 августа – Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии польских граждан.

1942–1943 гг. – аресты ранее амнистированных поляков.

1944 г., июль – вступление Красной Армии на территорию Польши. Начало кампании репрессий против участников польского антифашистского подполья, подчинявшегося эмигрантскому правительству.

1944–1945 гг. – интернирование польских граждан в СССР. Продолжение арестов и выселения поляков из западных районов.

1945 г., август–октябрь – начало освобождения польских граждан.

1950 г. – последние интернированные поляки возвращаются на родину.

ОСАДНИКИ

В сентябре 1939 г. части Красной Армии заняли восточные районы Польши. И вскоре началось насильственное выселение в глубь СССР больших групп жителей этих регионов. Основанием послужило решение Политбюро от 4 декабря 1939 года о выселении осадни-

ков и использовании их на лесных разработках. Осадниками называли демобилизованных участников советско-польской войны 1920 года, получивших от правительства Польши земельные наделы в Западной Украине и Западной Белоруссии. Одновременно с осадниками выселялись и «лесники» – служащие лесной стражи.

Депортация началась в феврале 1940 года. Было выселено около 140 тыс. человек.

БЕЖЕНЦЫ, СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

2 марта 1940 года Политбюро принимает решение о высылке беженцев и семей репрессированных. Беженцами считались лица, прибывшие в западные области Украины и Белоруссии с территорий, оккупированных немцами. Операция по депортации семей репрессированных, которых направляли в Казахстан на 10 лет, началась в апреле 1940 года. Было выселено около 60 тыс. человек.

В конце июня 1940 года начинается выселение беженцев, которых направляли в северные районы СССР для расселения в спецпоселках и использования на лесозаготовках. Всего было выселено около 80 тыс. человек.

14 мая 1941 года подписано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об аресте и направлении в ссылку на поселение в отдаленные районы сроком на 20 лет членов семей участников контрреволюционных организаций из западных районов СССР. В мае-июне 1941 года было выслано около 40 тыс. человек.

Общая численность осадников и беженцев на Урале – 41 450. Все они были размещены в 97 спецпоселках (см. приложение № 3 «Спецпоселки в Молотовской области»).

По национальному составу среди осадников были в основном поляки – 85 процентов, украинцы – 9 процентов, белорусы – 4 процента. А вот среди беженцев 86 процентов составляли евреи, поляки – 12 процентов, прочие – 2 процента.

Всего в 1940–1941 годы было депортировано более 300 тыс. поляков и польских граждан с территорий бывшего польского государства.

«Памятник замученным
и погибшим на Востоке»
(автор М. Бискупский)
установлен в Варшаве.

ИМЕНА:

по Свердловскому
окружному
району
(ДМИТРИЕВ).

УТВЕРЖДАЮ:

Прокурор Уральского Воен-
ного округа Вриггенершт
(ПЕТРОВСКИЙ).

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По следственному делу № 20942 по об-
винению ЧЕХОВСКОЙ Я.К., СТОДОВИЧ И.П.,
ЗАВАДСКОГО И.М., НОВИЦКОГО Ц.В., БЕГАН
СКОЙ М.В. и других, всего в количе-
стве 41-го человека, по ст.ст. 58-6-7-9-
-11 УК РСФСР.

В августе месяце 1937 года Пермским ГО НКВД вскрыта и
ликвидирована польская националистическая шпионско-диверсион-
ная организация, действовавшая на территории гор.Перми и Перм-
ского района, по делу которой арестовано 41 человек.

Произведенным расследованием установлено:

Польская колония в Перми организовалась еще с дореволю-
ционного периода, вокруг польского костела, возглавляемая руко-
водителем католического духовенства - агентом польской развед-
ки - кемсдвом БУДРИСОМ.

БУДРИС, под флагом " римско-католической общины " в Пер-
ми создал националистическую, шпионско-диверсионную органи-
зацию (т.2, л.д. 1-2, 14, 51).

Задачей организации являлось:

- а). Об"единение польского населения и воспитание его
в духе фашизма для борьбы против Советской власти;
- б). Шпионаж и диверсионно-разрушительная работа на ко-
ренных заводах, направленная на ослабление оборонной мощи
СССР (т. 2, л.д. 4, 5, 6, 14, 25).

Один из обвинительных документов,
сфабрикованных против
«агентов польской разведки».

Согласно инструкции «О порядке переселения польских осадников из западных областей УССР и БССР», подписанной Л. Берия, все недвижимое имущество, сельскохозяйственный инвентарь и скот оставались на местах. Разрешалось взять с собой лишь предметы первой необходимости, личного и домашнего обихода, месячный запас продовольствия на семью, мелкий хозяйственный инвентарь, деньги без ограничений, ценные предметы. Общий вес указанных вещей не должен был превышать 500 кг на семью.

«БЫВШИЕ ПОЛЯКИ»

Начавшаяся война не привела к прекращению репрессий. Они продолжались и против поляков, и против граждан других национальностей. По мере того, как угроза поражения отступала, советское руководство ужесточает позиции в отношении эмигрантского правительства Польши. Новая волна арестов и осуждений поляков и граждан довоенной Польши, ранее репрессированных, а затем амнистированных в 1941 году, начинается после эвакуации польской армии генерала Андерса, формировавшейся на территории СССР, в Иран. Эти репрессии не носили столь масштабного характера, как предыдущие. По справке НКВД, было арестовано чуть более 3 тысяч «бывших польских граждан».

АКОВЦЫ (1944-1950 гг.)

После вступления частей Красной Армии на территорию Польши в 1944 году последовала длительная волна репрессий против участников польского движения сопротивления, подчинявшихся правительству в эмиграции. Главный удар был направлен против Армии Крайовой (АК). Основную массу задержанных отправляли в глубь СССР, в лагерь военнопленных в качестве интернированных.

Вот в каких условиях проходила перевозка поляков. Загоняли их в вагоны без нар. Зимой люди одеты не по сезону, а топить в вагонах начали не сразу. Из воспоминаний Янины Высочинской (ИТЛ № 6 у ст.

Левшино): «...Перевозили в вагонах для скота, в середине вагона стояла железная печка. Раз в сутки открывали вагоны, всех заключенных сгоняли в одну сторону, пересчитывали. Ночью конвоиры бегали по крышам вагонов и обстукивали все стены – смотрели, все ли доски целы и не сбежал ли кто-нибудь».

Из акта сдачи-приема: «Вследствие низкой температуры, доходившей до -40° , контингент, одетый в летнюю одежду и обувь, при выполнении работ по разгрузке трупов, погрузке дров на паровозы, погрузке продуктов и доставке воды, в своей значительной части, получили обморожение разных степеней. Из 1718 чел. в пути следования умерли 239; среди прибывших было 417 дистрофиков, с различными степенями обморожения – 344 чел. Другой эшелон, направленный в ПФЛ № 0302, находился в пути 26 суток, условия были такие же, как и в первом эшелоне, и из 2018 чел. в пути умерло 316». (См.: Репрессии против поляков и польских граждан. – М., 1997.)

После отправки в глубь СССР интернированные поляки и польские граждане содержались в лагерях НКВД трех категорий. 1. Лагерь для военнопленных. 2. Лагерь интернированных, а также рабочие батальоны интернированных. 3. Проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), первоначально создававшиеся для советских граждан, но в них поместили и большое количество граждан Польши.

На Урале рядовые члены АК содержались в лагерях № 231 в Свердловской области (439 чел.), в проверочно-фильтрационном лагере № 0302 Молотовской области (644 чел.) и небольшими группами в других лагерях: № 346 в Молотовской обл., № 523 в г. Артемовский, № 531 в Свердловской обл., № 522 в Коркино и № 180 в Кыштыме Челябинской обл.

Приведем здесь лишь несколько дел, документальных свидетельств, с которыми пермяки имели возможность познакомиться на выставке, подготовленной сотрудниками музея истории политических репрессий и тоталитаризма «Пермь-36» (хранятся документы в Государственном архиве по делам политических репрессий Пермской области).

ВЕЧЕРЕК Иосиф Павлович, 1879 года рождения, уроженец с. Галахи Варшавской губернии, поляк, личный почетный гражданин Чермоза. Окончил Уральское горное училище, горную академию в Австрии, был в научной командировке в Швеции и Германии, где посетил все крупнейшие металлургические заводы, в том числе завод Круппа. Иосиф Вечерек дослужился до заведующего мартеновским производством на Чермозском заводе. Во время гражданской войны отступил с колчаковцами. После возвращения из Сибири работал техническим дирек-

тором Чермозского завода, затем – ряда других уральских заводов (в Нытве, Нижнем Тагиле, Нижней Серьге). В 1931 году Вечерек был арестован Тагильским сектором ОГПУ по обвинению в принадлежности к вредительской организации инженеров Урала, но осужден не был. Перед вторым арестом работал начальником отдела технического контроля Чусовского металлургического завода. Обвинен в проведении систематической контрреволюционной агитации, дискредитации постановлений партии и Советского правительства, восхвалении фашистского строя Германии и Гитлера. Особым совещанием при НКВД СССР приговорен к 5 годам ИТЛ. Был отправлен в Краслаг (ст. Канск Красноярского края). Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован в 1989 году.

В скупых данных следующего дела отражена трагическая история целой семьи.

Отец Сигитас
Тамкявичус,
узник совести,
бывший
заключенный
пермской
политзоны,
пишет:

*В Гетто мне пришлось
много страдать, но сегодня
вспомогателью Бога, что
Бог мог быть возле
Креста Иисуса Христа.
И всем кто были виновными,
все прощено и пусть Господь
им все прощает*
2000.08.12 *С. Тамкявичус*

ЛЕВАНДОВСКИЙ Федор Максимович, 1887 года рождения, уроженец г. Сосновичи Петраковской губернии (Польша), поляк, гражданин СССР. Член ВКП(б) с 1927 года. Рабочий Надеждинского завода, с 1929 года – народный судья в г. Надеждинске (Серов), в Верх-Исетском заводе г. Свердловска, с 1934 года – народный судья Ворошиловского района (г. Березники). Обвинен как участник шпионско-диверсионной и террористической организации ПОВ. Арестован 10 августа 1937 года. Наркомом внутренних дел и Прокурором СССР 15 ноября 1937 года приговорен к расстрелу.

27 сентября 1937 года была арестована и его жена – Левандовская (Сарекас) Малгожата Томашевна (Маргарита Тимофеевна), 1891 года рождения, урожденная д. Возняки Варшавской губернии, поляка, гражданка СССР, домохозяйка. Особым совещанием при НКВД СССР 28 октября приговорена к 10 годам ИТЛ. Была освобождена в 1943 году, вернулась в г. Березники, умерла в 1950 году.

2 октября 1937 года были арестованы три сына Левандовской от первого мужа Сарекаса А. И. – Александр, 1907 года рождения, слесарь Березниковского химкомбината, Владислав, 1909 года рождения, плановик БХК, и Анатолий, 1911 года рождения, шофер БХК, все уроженцы Варшавы, поляки, граждане СССР. Постановлением НКВД и Прокуратуры СССР от 26 октября 1937 года Александр и Анатолий Сарекасы были приговорены к расстрелу, Владислав Особым совещанием при НКВД СССР 28 октября 1937 года приговорен к 10 годам ИТЛ. Срок отбыл полностью, вернулся в Березники и умер в 1983 году.

Все Левандовские были реабилитированы в 1957 году...

*Л. ОБУХОВ,
кандидат исторических наук.*

«РОЖДЕННЫЕ В РУБАШКЕ»

Вспоминает Адольф Калчински, бывший аковец: «...На допросы в Половинку (шахтерский поселок близ Гремячинска.– Прим. автора) приезжали сотрудники НКВД из Перми и Москвы. Нас вызывали по одно-

му. Спрашивали, где кто был, чем занимался, в каких лесах, в каком формировании, каково отношение к СССР. Грозили, что 1920 год не повторится, что «чуда у Вислы» не будет... Обвиняли некоторых, что они сотрудничали с Германией. Они совсем не ориентировались в вопросах нашей АК (Армии Крайовой). Были случаи, когда усаживали арестованного за стол и обстреливали из пистолетов вокруг его по контуру. Для большей «смелости» и жестокости [следователи] были подвыпившие...

В Половинке нас вместе с бендеровцами (среди которых было много осведомителей) нас было 457 человек. От нас требовали выполнения больших норм – были случаи, когда мы работали по две смены. Нам угрожали, что мы уже никогда не вернемся к семьям и на родину. Психологически все это было страшно.

В бараках из проволоки мы сделали кресты, но во время проверки сотрудники НКВД срывали их со стен. Большин-

ство людей сделали себе крестики из проволоки, предназначенной в шахтах для взрывных работ, и прикрепляли под своими нарами...

Ванда Хвастовска-Быстром, которую можно назвать сестрой по несчастью А. Калчински, также испытала на себе все ужасы советских лагерей. Тем не менее она относит себя к «рожденным в рубашке»: ей повезло, она выжила, несмотря ни на что. В уральском лагере Ванда пыталась еще рисовать. Некоторые из ее рисунков также можно было увидеть на выставке, проведенной в Перми обществом «Мемориал». Здесь – «Автопортрет», выполненный 20 марта 1949 года...

Ванда Хвастовска-Быстром.
«Автопортрет».

ТРИЖДЫ РЕАБИЛИТИРОВАН

(ЛЕГЕНДА О ШПИОНЕ ДЕФЕНЗИВЫ)

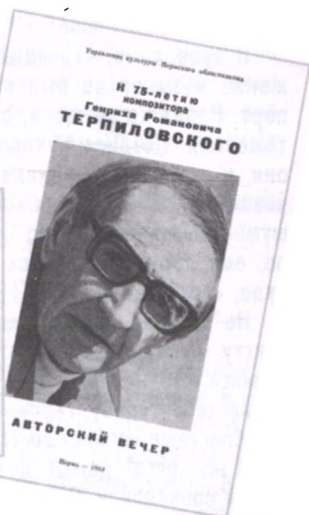

спех концерта был полный, и музыканты резвились на обратной дороге, как дети. В последнее время популярность этого молодежного джаз-оркестра из КРАМа (Ленинградского кинотеатра рабочей молодежи) заметно возросла. И потому что директор кинотеатра делал все со своей стороны, чтобы оркестр играл не только в фойе, но и на агитвыездах. И, главное, потому что руководителем оркестра был назначен талантливый музыкант, пробовавший свои силы в композиции, Генрих Терпиловский. Ему удалось подобрать замечательный состав. Принесла свои плоды и работа над репертуаром.

На концерте, который они давали тогда, в феврале 35-го, для конвойной воинской части, звучали и пьесы, написанные специально для оркестра, и мелодии из «Веселых ребят», «Трех товарищей» и других фильмов-новинок. До сих пор «великий немой», как называли кинематограф, пользовался таперами (вспомним в этой роли бесподобную Фаину Раневскую, наигрывающую на пианино, с папироской во рту).

Молодежный джаз-оркестр
Дворца культуры имени Сталина.

Что еще звучало в душах музыкантов, какие мелодии напевали они, подыгрывая себе и дурачась в той поездке? На концерте исполняли они «Песни о старой реке» из популярной оперетты «Цветок Миссисипи» и еще несколько вещей из зарубежного вокального репертуара (за это тогда еще не преследовали). Как успешную премьеру можно было рассматривать и исполнение «Блюза Моховой улицы», написанного для оркестра самим Терпиловским.

«А как им понравился «Котенок на клавишах», а, ребята? Здорово!..» – вспомнил кто-то, все еще несколько взбудораженный. И тут же «сбацал», не обращая внимания на шум мотора и тряску. Так беззаботно катили «ночные академики», пиршествуя на вершине успеха, ощущая себя не жертвами, но удачливыми охотниками за славой! Кстати, и пьеса «Охота на тигров» также поднимала настроение и вызвала в зале оживление, хотя слушатель был особенный, с «заторможенной» эмоциональной реакцией – конвоиры же... Примерно такая же публика была и на заводе имени ОГПУ, где пришлось недавно выступать молодежному джазу. Но тоже принимали хорошо. Уважительно.

И проводили, что называется, с доставкой на дом. В распоряжение музыкантов был выделен... «воронок», служебный транспорт. Ребят не смущали, однако, даже решетки на окошечках автомобиля. Позднее руководитель оркестра вспоминал, что когда они, к испуганному удивлению прохожих (ведь уже вовсю раскручивались поиски черных кошек в темной комнате, Киров уже убит), шумно высаживались на Садовой улице, у освещенного кинотеатра, ему подумалось: «Как хорошо, что это происходит с нами не туда, а оттуда».

Но дальше... Дальше все получилось «как по-писаному», как по тексту «Мастера и Маргариты» Булгакова, помните? «Вдруг джаз развалился и затих, как будто кто-то хлопнул по нему кулаком». Напроорочил себе судьбу Терпиловский! В самом начале своей карьеры, так блестяще начинавшейся, композитор отправился именно «туда»...

И на долгие-долгие девятнадцать лет джазист оказался за колючей проволокой. Выстоять, выбраться «оттуда», из лагерей и ссы-

лок, ему поможет некая «озорная сила», которую он всегда чувствовал в своей душе.

«ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Несколько лет мне не давала покоя фраза, брошенная одним пермским музыкантом, когда-то игравшим вместе с Терпиловским. «Вы не знаете и никогда не узнаете, каким человеком Генрих был на самом деле. Совсем не тем, каким его пытаются ныне представить...»

И ведь он оказался прав, тот загадочный «черный человек», подошедший ко мне после джем-сейшна в вечернем кафе. Да, фигуру Г. Р. Терпиловского (1908–1988 гг.) окружает немало легенд. И это при том, что есть еще документы, сохранились первоисточники (рукописи и справки не горят!), живы люди, когда-то знавшие его.

Да и джазовые фестивали в Перми стали уже традицией, и, несмотря на то, что зародилась она уже после смерти Генриха Романовича, у меломанов всегда возникало ощущение, что каждый из «звездных дождей» благословлялся этим патриархом отечественного джаза. Перед 90-летием Терпиловского в Перми появился и фонд его имени. Это тоже нельзя назвать просто совпадением. Может, с помощью фонда удастся, наконец, воздать должное замечательному человеку, почти сорок лет (за вычетом ссылки) жившему в Перми.

И не пора ли развеять хотя бы некоторые мифы об этом человеке?..

КРЕСТНИК ИМПЕРАТОРА

(ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ)

Рассказывают иногда, что Терпиловский, происхождением из польских шляхтичей, жил в детстве в Новгородской губернии, в имении, владельцем которого был член императорской семьи. И что мальчик стал чуть ли не крестником самого царя-батюшки. Не знаю, нам эту красивую историю Генрих Романович не рассказывал. В том, какой это был увлекательный рассказчик, я убеждался не раз, ког-

да Терпиловский приходил к нам в редакцию. Это был надежный автор, по-старорежимному аккуратный, исполнительный и хорошо, нескучно пишущий. Сначала мне приходилось общаться с ним в областной «молодежке», он был нашим штатным музыкальным обозревателем, своими усилиями перетаскивал клуб «Нота», так сказать, из легкой или наилегчайшей весовой категории в среднюю. Позднее, перейдя в отдел культуры пермской «Вечерки», я встретил Генриха Романовича и там – уже в качестве «почетного рабкора», хотя писал-то он, конечно, на свои музыкальные, театральные темы. И беседовал с нами тоже об этом же. О жизни своей говорит избегал, это было заметно.

Про польские корни его я слышал, а вот про царя... В Новгородской губернии урожден был, кстати, и Сергей Дягилев, в семье офицера царской армии. Так он впоследствии тоже говорил иногда в узком кругу, что состоит в родстве с... Петром Первым. Думаю, не надо принимать всерьез эти веселые экскурсии в генеалогию.

Про семью Терпиловских в царской Польше рассказывают следующую историю.

У отца Генриха, ставшего полковником в годы первой мировой, было два брата. Один был владельцем копален, то есть шахт или каменоломен, а другой, также не бедный шляхтич, владел ювелирным магазином, домами... потом влюбился, бросил семью из-за циркачки-француженки. И вот этот авантюрист, этот дядька Василий, говорят, позднее служил даже в ЧК...

Отец Генриха в ЧК не попал, он умер своей смертью, промучавшись четыре года после того, как вернулся с фронтов империалистической бойни весь израненный. Этому волевому человеку сын посвятил позднее проникновенные строки в поэме «Мое лучистое виденье». А мать Генриха Романовича, работавшая учительницей, будет репрессирована в сталинские годы. Конечно, как «польская шпионка», работавшая на Пилсудского. Место ее мучений в Карелии, а впрочем, важно ли, где...

Дело по обвинению гражданки Евтеевой-Терпиловской Евгении Александровны, 1886 года рождения, урожденной в г. Новгороде,

было отменено только в 1957 году – «за отсутствием состава преступления». Арестовали Евгению Александровну 26 января 1933 года, это в последний «заход». Потому что «трясли» семью Терпиловских и раньше. Аресты, обыски стали почти привычным делом при новой власти. Однажды семейные сбережения (уж какие они там были?) спас сын, спрятав их в пузырь для компрессов, на котором он лежал, сказавшись больным тифом.

В Польшу Генрих Романович всегда мечтал съездить, но его не пускали. А он знал, что там живет его двоюродной брат Лешек. И когда, в конце концов, Терпиловский вырвался в Польскую республику (народную), братья встретились.

Оба они относились к работникам культурного фронта, но, оказалось, во взглядах далеко не во всем сходились. Польский журналист и режиссер Терпиловский был больше антидемократом, чем советский Терпиловский! Но не это главное.

Выяснилось, что в Польше про композитора Терпиловского, живущего в России, хорошо известно. Генрих Романович стал ведь еще активным корреспондентом польского журнала «Джаз», единственного издания с таким профилем на весь тогдашний «соцлагерь». (Писал он и в английский музыкальный журнал.)

В конце 70-х его приглашали на фестивали «Варшавская осень» и «Джаз-джембори» уже в качестве почетного гостя.

– Собственно, я о нем оттуда и узнал, из польского журнала, когда прочитал в 1957 году блестящую серию статей о российском джазе, – говорит известный историк, точнее даже «хроник» джаза, писатель, председатель координационного совета Союза литераторов России Алексей Баташев. – Я посмотрел на подпись и подумал: надо найти этого «Хенрика Терпиловского». И нашел – через поляков! Потом мы встречались в разных местах. Запомнился фестиваль в Польше в 1967 году и конференция «Джазовый форум»: на ней Генрих Романович сделал доклад, заинтересовавший многих, рассказывал нам о «джазовом рассвете» в Ленинграде, о встрече с утесовским оркестром...

Когда я общался с этим высоким, немножко сгорбленным человеком, меня удивляла его мягкая доброжелательность и оптимизм,

это несмотря на тяжелую жизнь! Какого-то нравственного, душевного надлома в нем не чувствовалось. Судьба Терпиловского – повод задуматься над своей судьбой, над судьбой всей страны... Ведь в нем жило – невидимо – целое поколение гордых людей, он берег их в памяти.

В жизни Генриха Терпиловского очень рано наступили ночи, когда хотелось выть от одиночества и тоски. В 34-м году молодой музыкант написал цикл песен на стихи негритянского поэта Ленгстона Хьюза (первая редакция).

*Я ведь очень одинок,
Кроме как к себе, пойти куда?
Полку я прибью под потолок,
Положу печаль свою туда...*

Время требовало жизнерадостной музыки, таков социальный заказ. Все внешне складывалось у Генриха, только что окончившего

Маэстро Терпиловский.

Ленинградскую консерваторию по классу композиции (заочно, потому что уже работал по другой специальности, полученной... в сельскохозяйственном институте!). Но вскоре старший экономист одного из совхозных трестов Наркомснаба был переведен дирижером молодежного оркестра Ленинградского обкома комсомола. Трудоустроиться по склонности душевной помогло представление Союза композиторов. Однако руководителем оркестра КРАМа (кинотеатра рабочей молодежи) он побыл недолго.

Судьба не пощадила отпрыска российско-шляхетского рода. «ЧК не дремлет», – говорили тогда. На него наехало страшное колесо ОСО, «Особого совещания». Дело Кирова...

Из «Автобиографии» Г. Р. Терпиловского: «...Решением Особого совещания при НКВД СССР в 1935 году сослан в г. Алма-Ата сроком на пять лет. Там работал руководителем оркестра кинотеатра «Алма-Ата». В 1937 году постановлением тройки УНКВД по Алма-Атинской области был заключен в исправительно-трудовые лагеря сроком на десять лет».

И здесь отметим один важный момент. В молодости Терпиловский еще пытался как-то приспособиться, «встроиться» в социалистическую действительность. Его настроение тех лет можно сравнить с тем, что пытался выразить Борис Пастернак в своих патетических (но опять же искренних!) виршах во славу партии и правительства. Или друг детства Дмитрий Шостакович, у которого также есть, к примеру, заказной вокальный цикл «Из еврейской народной поэзии», про счастье жить в колхозе и т. п.

Вот и наш герой пытался одно время разглядеть в чекистах личности. Вполне вероятно, что и встречал таковых. И в поэме Терпиловского «Где кончается Дальний Восток» мы можем прочитать поразительные строки про «стальное племя людей, не знавших слово «страх», чьи планы смелы, мысли чисты, и имя было им – чекисты». Это было написано в 1940 году...

Срок свой он отбыл полностью, и после освобождения вновь работал по дирижерской специальности: с 1947 по 1949 год – в г. Грозном, с 1949 года в г. Молотове...

В Молотове (Перми) он был опять арестован! Новая ссылка, в Красноярский край...

«После 1953 года я трижды был реабилитирован и прежние судимости с меня сняты: первая – постановлением Ленинградского городского суда, вторая – постановлением президиума Алма-Атинского областного суда, и третья – президиумом Молотовского областного суда. Все годы заключения и ссылки (семнадцать лет) зачтены в мой трудовой стаж...»

Последняя судимость, в Молотове, самая краткосрочная и самая анекдотичная, если смотреть с нынешних позиций. Терпиловский сгорел тогда в «очаге культуры»...

КАК МНИМЫЙ ДЖОРДЖ (ЧЕКИСТСКАЯ ВЕРСИЯ)

История эта казалась нам сначала настолько неправдоподобной, что думалось: присочинили вспоминающие что-то... Но нет, все так и было на самом деле.

В мирное послевоенное время, после тяжких лет испытаний и мытарств, чета Терпиловских перебралась на Урал (из Грозного), Генрих Романович неплохо устроился, руководил оркестром ДК имени Сталина. Там вот его и взяли, прямо во время репетиции. Спустия всего полгода после приезда. Нина Георгиевна вспоминала:

– Двое молодых людей пришли к нам на квартиру вместе с Генри, начался обыск. Вышли тоже вместе с ним, делая вид, как будто гуляют с другом. «Прогулка» кончилась тюрьмой, а затем ссылкой. И все из-за дурацкого доноса, якобы Терпиловский во время своей игры на рояле передавал условными знаками секретную информацию о заводе агентам, находившимся в зале. Ну, глупость, да? Но нашлись даже «свидетели», люди, поверившие в эту глупость, нашедшие подозрительным поведение музыканта. Не мог помочь нам и казавшийся всемогущим директор завода Солдатов, который всегда поддерживал оркестр...

Необходимое отступление. Много позже, в 1966 году, поздравляя оркестрантов с 25-летием коллектива, пенсионер союзного значения

Анатолий Григорьевич Солдатов писал: «...Я всегда был глубоко заинтересован вашей деятельностью, искренне желал вам самых больших успехов. За эти годы вы проделали на заводе огромную просветительскую работу, вы приобщили к музыке тысячи молодых людей и украсили жизнь всего коллектива завода». Тем не менее, главного «украшателя», Генриха Терпиловского, отправили опять в Сибирь...

...Глупость-то глупостью, но тогдашняя политическая спецслужба СССР мыслила и действовала в духе своего времени. И даже была не оригинальна! В старой американской кинокартине про «Джорджа из Динки-джаса» немецкий шпион пробирается в США, устраивается в тамошний джаз-бэнд, и занимается... тем самым, в чем обвинили Генриха Терпиловского в далеком Молотове...

Нельзя не обратить внимание на то, как скупое, «без выражения» и без выражений говорится в автобиографии композитора о годах преследований. И довоенная ссылка в Казахстан, можно подумать, для него началась «как прогулка», путешествие по солнечной республике за казенный счет. Между тем срок свой лагерный молодой композитор получил после отказа быть стукачом.

Таким было начало великой Терпилиады. «Красное колесо» наехало и на него. Здесь – секрет долголетней сдержанности, молчаливости Терпиловского при разговорах о прожитом.

В книжечке афоризмов Бертольда Брехта (на польском языке, Терпиловский вывез ее из Польши) им подчеркнуто такое высказывание драматурга: «Глядишь, доживем до того времени, когда не надо будет озираться, подобно заговорщикам, говоря, что дважды два – четыре...»

ДЖАЗМЕН-ДЖЕНТЛЬМЕН

(ЛЕГЕНДА О «ВЕСЕЛЫХ РЕБЯТАХ»)

Таков уж это был человек, воспитанный в благородном семействе: мать – учительница, отец – слуга царю, офицер-артиллерист. О. Лундстрем в беседе с автором этих строк упомянул замечательный фильм «Веселые ребята» – он и поныне любим зрителем – а мне вспомнилась не то быть, не то легенда о том, что среди

веселых ребят, озвучивавших картину, был и молодой Генрих Терпиловский. Говорят, что «прикольную», как сегодня выражаются, сцену, когда носом исполнялось глиссандо, помог снять именно он. (Вообще-то глиссандо – скольжение ногтями одного или нескольких пальцев по белым клавишам фортепиано.) Джентльмен!.. Чего не сделаешь ради успеха общего дела во имя джаза.

С утесовским оркестром связана и другая почти невероятная история, которая, однако, случилась на самом деле.

В 1942 году утесовцы были на гастролях в Сибири. Время было суровое, как известно, но коллектив пользовался расположением властей. И Леонид Утесов воспользовался этим, решив поддержать своего коллегу, «загребмевшего» в лагерь. Потребовалось распоряжение «самого-самого», чтобы заключенного композитора «прикомандировать» на время к оркестру. Терпиловского по этому случаю приодели, подкормили. Сохранилась фотография, на которой он снят с друзьями (правда, почему-то без Утесова) – Дидерихс, Котлярский, Узинг, Кандат... Арчи, так звали они Аркадия Котлярского, умер из них последним, уже в 90-х годах, в Канаде (куда он уехал доживать свой долгий век к дочери).

Фантастическая эта встреча состоялась в лагере города с названием Свободный. Потом друзья покатали дальше, а зека Т. остался

Сцена из оперетты Г. Терпиловского.
Сам автор – в роли ксендза.

тянуть срок... Позднее, в 1951 году, когда Генрих Романович вновь оказался в неволе (в ссылке, в 50 километрах восточнее Красноярска), утесовцы еще раз поддержали товарища, прислав ему аккордеон, который не только скрашивал жизнь Терпиловско-

му, но нередко и спасал его, по воспоминаниям жены Генриха Романовича. На концертах, которые устраивало лагерное начальство, он сопровождал Нине Георгиевне, только тогда они и встречались...

Естественно, упоминать его фамилию запрещалось.

А музыка Терпиловского – звучала! И не только джазовые сочинения. В годы войны на Дальнем Востоке (в филиале хабаровского театра) шли его оперетты «Девушка-гусар» и «Я вам пишу». Почему только на Востоке, думаю, понятно...

В своих воспоминаниях «Джазовый рассвет над Невой» он рассказывает об эпизоде, который сам же «взял в скобки», решив, что не стоит об этом. Конечно, стоит, и стоило уже тогда. В марте 1935 года он был арестован. «...Я покинул Ленинград по причинам, вздорности которых была признана лишь 19 лет спустя...»

Он и здесь не договаривает, хотя уже давно реабилитирован по всем статьям! Но что поделать, это уже в крови, в печенках, видимо. Иногда Генрих Романович, словно подтрунивая над самим собой, приговаривал: «Осторожность, говорят, мать мудрости, неизвестно лишь, кто отец».

«ЧЕЧЕНЕЦ»

Однажды я пришел навестить могилку Терпиловских на Южном кладбище, было это года два спустя после смерти вдовы. И был поражен картиной, открывшейся в тихом кладбищенском уголке. На траве возле свежих могил, даже на оградках сидели парни в пятистой форме, в руках – стаканчики. А напротив того ряда, где упоко-

Оперетта «Девушка-гусар». После спектакля.

ились композитор с женой, появился новый ряд свежих захоронений – это были пермские омовцы. Восемь человек сразу погибли в Чечне...

И не знали их товарищи, пришедшие помянуть «чеченцев» (так называют теперь на Руси воевавших на Кавказе, по типу «афганцев»), что композитор, похороненный здесь, тоже мог бы, наверно, называться «чеченцем». Два года «отпахал» Терпиловский в Грозном. Написал там массу музыки, стихов и даже создал нечто гимническое под названием «Это – Грозный!».

На Кавказ Терпиловские попали сразу после освобождения Генриха Романовича. Почти случайно: его пригласил сюда друг, Павел Дудин, тот самый человек, который буквально спас в лагере музыканта, превратившегося уже к тому времени почти в доходягу. Композитор отбывал наказание в городе Свободном, на тяжелых земляных работах, страшно голодал. От него остались кожа да кости. А Дудин, к тому времени (1943 год) уже расконвоированный, устроился снабженцем в лагере. Он подкормил Терпиловского, добился его перевода на авторемонтный завод.

Могила четы Терпиловских на Южном кладбище.

Нельзя сказать, что жизнь в этом краю была тогда малиной. Бытовые условия скверные, жили «молодожены» прямо в комнатухе ДИТРа (Дома инженерно-технических работников), куда недавнего зека взяли руководителем джаз-оркестра. И он с головой погрузился в работу.

Спрос налицо, а уровень, предложенный новым дирижером и композитором, был достаточно профессиональным. Терпиловский, что называется, вписался в будни рабочего города (оставшегося после депортации чеченцев почти без аборигенов).

– Мы прожили в Грозном с 46-го по 48-й год, – вспоминала Нина Георгиевна. – Город был грязный, новые промыслы, старые промыслы, все вокруг нефти крутилось. Неуютный город, но культурная жизнь была и в нем. Мы ходили на концерты Александра Вертинского, вернувшегося в Россию, братьев Покрасс, с которыми Генри был хорошо знаком, они находились на вершине славы, лауреаты Сталинской премии и проч. А ведь как ярко начинал и Генри до войны! Соловьев-Седой давал ему свои песни для первого исполнения, Шостакович также выделял Терпиловского...

Не все из написанных в грозненский период своих произведений композитор решил включить в позднее составленный им список. С десятков песенок, «Марш нефтяников», созданный на слова местного поэта Звягинцева, да пара политико-музыкальных памфлетов, довольно бойких по стилю («Стесняться нечего – здесь все свои») – вот, собственно, и все, что прошло взыскательный авторский отбор.

А что же исполнялось тогда на концертах джаз-оркестра? В 1948 году отмечали 130-летие основания Грозного, поэтому часто звучали гимн города, песни, посвященные ему. Первое отделение одного из концертов начиналось с сюиты из песен композиторов – лауреатов Сталинской премии, в музыкальной обработке Г. Терпиловского (не лауреата). В общем, дань времени отдавалась сполна, иначе было нельзя. Эта самая дань ощущается и в заметках члена жюри смотра самодеятельности нефтяников Г. Терпиловского, напечатанных в газете «Грозненский рабочий». В стихах он писал тогда:

Споем сегодня мы по праву,
В кругу друзей в вечерний час
Про нашу мирную державу,
Про боевую нашу славу -
Играй по-праздничному, джаз!

И швец, и жнец, и на дуде игрец, он частенько сочинял и конферанс. Глаз невольно останавливается, спотыкается, когда на пожелтевших листках читаешь строки «о самом большом садовом, о самом любимом и мудром, о Сталине песню споем». Песня-то была Ваню Мурадели, но предложение спеть исходило от «много-терпиловского», который к тому времени, конечно же, все понимал (это подтверждает его стихотворная «Лагериада»), к «садовому» относился соответственно его «заслугам». Приходилось приспосабливаться и бывшему зека...

В оправдание этого «заказного стихоплетства» можно только сказать, что плохо у Генриха оно получалось. Просто из рук вон. И рифма стерлась до безобразия, и легкость улетучилась, и ритм подозрительно захромал. Никогда бы не подумал, что автор озорной «Лагериады» или проникновенных любовных виршей – тот же самый человек, который «настрогал» и эти ура-патриотические, на живую нитку скроенные сочинения. И все же они являлись на свет, и это помогает нам лучше понять, в каких ситуациях оказывался творец. Сравнение всегда полезно.

Но на концертах популярного оркестра «на второе», после антракта, всегда выдавалось нечто раскованное, начиналось, например, с фантазии на темы вальсов Штрауса в обработке все того же Г. Терпиловского. Кстати, и «на третье», под занавес концерта, оркестр исполнял «Прощальную песенку джаза ДИТРа», слова и музыка – руководителя коллектива. Там были такие слова: «...Если развлекли мы вас и весельем, и искусством, то, смыкая веки глаз, не забудьте вспомнить нас – заводской веселый джаз».

В том-то и секрет, что была в этом гибком и в то же время негибком, как оказалось, человеке, тайная жизнь – жизнь свободной души.

...Однажды я увидел на кладбище бывшего омовца-«чеченца», присевшего на оградку могилы Терпиловских. Вот так «стечение обстоятельств»... Кто из них был творцом истории, действующим лицом, а кто – статистом, жертвой? Кто виноват в том, что не прижились русские ростки на чеченской земле, что не поют там песни, сочиненные Терпиловским? Нет пока ответа на мои смятенные вопросы. Но ясно одно: кровавый круг истории замкнулся, и ключ к пониманию его «механизма» сокрыт где-то глубоко. Может быть, и на этом уголке Южного (!) кладбища. Русский «чеченец», мой «земля», вырвавшийся живым из «горячей точки» под названием Грозный, даже не заметил, что на кладбищенской оградке композитора есть ключ. Скрипичный.

ТЕРПИЛОВСКИЙ + ТЕРПСИХОРА =... (ЛЕГЕНДА ОБ ОРДЕНОНОСЦЕ)

Список творческих удач начат им с упомянутого цикла песен на слова Ленгстона Хьюза. Генрих Романович создал его (по заказу Ленинградского радио!) в два приема, сначала – молодым, в 1934 году, а затем вернулся к Хьюзу спустя два с лишним десятка лет, после стольких испытаний и ударов судьбы! И когда я услышал, что нашим известным актером М. Козаковым записана пластинка «Черные блюзы Ленгстона Хьюза», то обрадовался несказанно: значит, оценили по достоинству произведение Терпиловского, ведь он столько души вложил в него. Однако рано радовался: пластинка создана Козаковым в содружестве с молодым джазменом Борисом Фрумкиным. Неплохо все сделано, с чувством, задиристо... Но жаль, что наш патриарх и в этом случае поджентльменски остался в тени. Ей-Богу, у него не хуже...

А вот из той же оперы случай. То есть, не из оперы, если быть точным, а из балета, и не совсем того... Про то, как композитора обошли правительственной наградой.

На фотографиях Генрих Романович нередко запечатлен в пиджаке, на лацкане которого – знак, похожий на лауреатский. Но это не правительственная награда, это знак признательности джазистов. Хотя при Хрущеве композитор чуть-чуть орден не получил.

«Портрет Мити Шостаковича
(композитор Д. Д. Шостакович)»
(рисунки углем Б. М. Кустодиева).

В 61-м году написал Терпиловский балет... «Королева полей». Да-да, о ней, о кукурузе. Либретто написала пермский хореограф К. Есаулова. Балет пользовался поразительным успехом. Ну, как же: неожиданное решение, оригинальная музыка, прихотливая хореография, милые юные солисты, резвившиеся на сцене... Позднее по «Чудеснице» – так стал называться балет – был снят и телефильм, а спустя десять лет композитор включил сюиту из балета в программу своего авторского вечера. Как вспоминала вдова Генриха Романовича, на волне успеха пермскую «Чудесницу» повезли в Москву, руководство заговорило о том, что

«сам Никита Сергеевич» и прочее... авторам в шутку предлагали уже крутить для орденов дырки на лацканах.

«Помешал» первый полет человека в космос, Хрущева отвлекли космические торжества, в театр на пермский спектакль он так и не попал. Работа пермяков была, правда, замечена известным столичным специалистом В. Вансловым, который, раскритиковав балетную труппу из Перми за отсутствие самостоятельных спектаклей, написал в рецензии: «В актив театра следует отнести лишь (!) привлекательный детский балет «Чудесница» Г. Терпиловского (балетмейстер К. Есаулова)...» Ванслов – его орден.

В том «кукурузном» балете, первом из его четырех сочинений для Терпсихоры, Терпиловского увлекла необычность творческой

задачи, возможность по-новому выразить себя. Потом он «разоходится» и делает еще два «Выстрела»: так назывался балет по рассказу «Сорок первый» Б. Лавренева, постановка М. Газиева, и «Лесная сказка» («Выстрел в лесу»)...

ШОСТАКОВИЧ: «ПАЛЬМА ПЕРВЕНСТВА ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ»

(ЛЕГЕНДА ОБ АНТИСОВЕТЧИНЕ)

В архиве Терпиловского сохранилась телеграмма, пришедшая уже на пермский адрес: улица Газеты «Правда», 5 (ныне ул. Павла Соловьева): «СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ВЕТЕРАНА СОВЕТСКОГО ДЖАЗА ЮБИЛЕЕМ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ УСПЕХОВ СЧАСТЬЯ= ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ».

Знакомство Генриха Романовича с великим композитором современности началось давно, еще в годы гражданской войны, в голодном и холодном Петрограде. То тяжелое время страшно стало напоминать нынешний «переходный период», этап так называемого «дикого капитализма». И тогда в доме Терпиловских не хва-

Юный Генри Терпиловский (фототюд того времени).

тало тепла, продуктов, плюсовая температура сохранялась только на кухне. Но вот театры – знаменитые Мариинка, Александринка, Михайловский – работали и в 1918-м. И юный Генри по несколько раз на неделе бывал в них. У него был абонемент, который достал ему дядя, доктор Гладкий, работавший главным врачом в этих театрах. Мальчик с восторгом слушал Шаляпина, внимал дирижеру Самосуду и многим другим лучшим музыкантам России.

Тогда же в театре встретились два юных меломана, жизни которых позже еще не раз будут переплетаться самым причудливым образом. Оказалось, что Дима Шостакович и жил по соседству. Мальчики подружились.

«Однажды нам пришлось даже выступить на сцене, – вспоминал позднее Терпиловский. – Правда, еще не в качестве музыкантов. Мы исполняли «Танец мира» – сначала сражались друг с другом на деревянных рапирах, а когда нас разнимали, провозглашали, повернувшись к залу, что лучше мира нет ничего. Много лет спустя, когда Д. Д. Шостакович был уже знаменитым композитором, я напомнил ему этот эпизод из нашего детства...

«Вот видите, – рассмеялся он, – нам с вами принадлежит пальма первенства в борьбе за мир».

За этой сдержанной констатацией факта – «был уже знаменитым композитором» – скрывается, в сущности, так много... В отличие от Шостаковича, Терпиловский знаменитым не стал, судьба сложилась так, что он все силы положил на то, чтобы не превратиться в «лагерную пыль». Да, это рок... С горечью думаешь, как несправедлива бывает жизнь, как жестоко обошлась система с талантливым человеком.

Начинали они оба одинаково ярко, свежо и многообещающе. Сохранился портрет 12-летнего Шостаковича, написанный Борисом Кустодиевым и подаренный им «милому другу Мите». Мальчик в матроске изображен на рисунке с клавиром Шопена. Он уже очень хорошо играл на пианино, а вскоре станет лауреатом международного конкурса. Генрих, по примеру своего друга, также серьезно «засел за пианино». Интересно, что в том возрасте он также носил матроску.

Пальма первенства, о которой в шутку говорил Дмитрий Дмитриевич, кроме шуток, принадлежит кое в чем его незначительному другу детства. Только не в области борьбы за мир. Посудите сами.

Первый в стране джаз-клуб появился в конце 20-х годов по инициативе Генриха Терпиловского (и на его квартире на Литейном проспекте, 29). Алексей Баташев написал, что в этом кружке единомышленников, влюбленных в новую Музыку, удалось выработать критерий хорошего вкуса, Генрих и его друзья-джазисты впервые разграничили популярную музыку того времени и подлинный джаз. Сыгрывать проводил сам Терпиловский.

Прекрасный фильм «Мы из джаза» режиссера Карена Шахназарова, мне кажется, во многом навеян воспоминаниями участников этого неофициального клуба Терпиловского. Не случайно в картине появляется и его старший друг, писатель и дипломат, морской офицер Сергей Колбасьев, столь же страстно влюбленный в джаз, впоследствии также репрессированный. Именно ему Генрих посвятил свой «Блюз Моховой улицы» – Колбасьев жил на Моховой, 18.

«Пальма первенства» принадлежит Терпиловскому и в том, что он серьезно, на профессиональной основе развивал вузовскую музыкальную самодеятельность во время своей учебы в Ленинградском сельскохозяйственном институте (окончил его в 1931 году, у него, таким образом, два высших образования). Что имеется в виду? Как писал сам Генрих Романович: «Не иначе как впервые прибегнул к спасительной подсадке ныне широко практикуемого метода укрепления самодеятельного коллектива закамуфлированными профессионалами».

Популярность молодого композитора в начале 30-х столь возросла, что Генриха уже искали, ему специально заказывали «что-нибудь новенькое» и руководители оркестров, и конферансье, например, Александр Менакер. Солист Кировского театра, прекрасный бас Борис Фрейдков, исполнил на Ленинградском радио блюзы Генриха Терпиловского на стихи негритянского поэта Ленгстона Хьюза. Это также впервые.

А когда Терпиловскому поручили возглавить молодежный концертный джаз-оркестр КРАМа, им же самим и созданный, он быстро

вывел его в число лучших в Ленинграде. Убедиться в этом помогло опять же сотрудничество с давним другом детства Дмитрием Шостаковичем. В Ленинграде тогда развелось столько самых разнообразных оркестров, называвших себя джазовыми, что уже невозможно было разобраться, где истина, кто из музыкантов остается на уровне таперов, ставших ненужными «великому немому», а кто играет и делает настоящий джаз. И вот, по предложению Шостаковича, была создана городская джаз-комиссия – «в связи с возросшей популярностью джазовой музыки и повышением интереса к этому жанру». Кроме него, в комиссию вошли И. Дунаевский, Б. Фрейтков и другие. Как вспоминал Генрих Романович, по настоянию Шостаковича был проведен смотр-конкурс, выявивший лучшие коллективы, позволивший отделить зерна от плевел. И выяснилось, что джаз Скоморовского, к примеру, рекламировавший себя в качестве наилучшего, к таковым совсем не относится, а на первые места вышли совсем другие музыканты.

Позднее, когда у Терпиловского «появилось время» (в ссылке), он вспомнит это время в стихах:

*Там на крыше шум чертовский,
Расплескался медью джаз,
Это Яша Скоморовский
Приглашает к танцу вас...*

НО БОЛЕЕ ВСЕГО ОН ДОН КИХОТ В ЛЮБВИ (ЛЕГЕНДА О ВЕРНОМ СУПРУГЕ)

Кто ждет восторженного, в розовых тонах рассказа о любви композитора-арестанта и его верной подружки-певицы, тот будет, боюсь, разочарован. Однажды Нина Георгиевна сама заговорила со мной на эту щепетильную, очень сокровенную тему, было это уже после смерти ее Генри. Их союз вытерпел много испытаний, не всегда взаимоотношения были безоблачными. Когда они жили в Перми, то даже чуть не расстались, и такое случилось. А, казалось бы, этого быть

С Ниной Георгиевной – своей музой – Терпиловский-зека познакомился в неволе (снимок сделан в Красноярском крае).

не могло после всего, что пережили, после того, как она буквально вытащила из лагерей своего возлюбленного в 53-м, тогда уже сактированного, полуживого «доходягу»!..

Нет, мы не будем углубляться в самую интимную область человеческих чувств. Чтобы рассказать о том, сколь красив был их лагерный роман (да-да, несмотря на ужасающие бытовые реалии знакомства за «колючкой»!) и сколь прочен все же оказался их брак, заключенный почти в аду (хотя официально расписались они уже будучи на свободе), – вернее всего будет обратиться к стихам Генриха Терпиловского. В них отражено смятение чувств и очищение смысла отношений двух творческих людей. Стихи прилагаются. Как говорится, нужны ли тут пошлые комментарии?

Одно меня только, признаться, поражает до сих пор. Как-то раз я спросил Нину Георгиевну, предлагал ли ей муж свои сочинения для исполнения как певице. Нет, оказывается, ни разу! «Хотя я и загово-

рила однажды с ним насчет этого», – добавила задумчиво вдова композитора.

Почему так? Причины, предполагаю, были и профессионального свойства. Но вполне возможно, он не хотел даже здесь, что называется, смешивать отношения. Как тот Рыцарь печального образа, на которого он был очень похож внешне, к избраннице своего сердца композитор относился трепетно, бережно и в рабочую лошадку не превращал.

Более всего этот «старомодный» человек был джентльменом в любви. Такая бытовая деталь: глазок на двери пермской квартиры он заказал под свой рост, потому что подумал в тот момент о том, что открывать дверь – обязанность хозяина. И когда его не стало, вдове приходилось подниматься на цыпочки, чтобы увидеть в дверной глазок пришедшего.

Живя рядом со своим Генри, она также вот поднималась на цыпочки, чтобы быть достойной этого необычного человека, неординарность которого она очень хорошо осознавала. Жила, чтобы соответствовать хоть чуточку его уровню... А он ее превозносил в стихах.

*...Когда б я был богат, я б из слоновой кости
Построил башню и тебя в ней поселил, –
На самый верх, туда, поближе к тихим звездам,
Где вокруг тебя жасмин шпалерами расцвел,
Где ложе мягкостью не уступает гнездам,
Туда бы я тебя, взяв за руку, провел...
Но башни этой нет, как нет слоновой кости,
И я спускаюсь вниз в свободненскую явь...*

Написано это в августе 1946 года, когда автор отбывал наказание в городе под названием Свободный...

Свое «гнездышко» у четы Терпиловских появилось лишь в конце 50-х в Перми. Но вот ужас! – из окна их кухоньки была видна новая «башня смерти» – так в народе быстро окрестили здание управления внутренних дел, увенчавшее Комсомольскую площадь в 51-м году.

По проекту архитектора М. Перелешина были предусмотрены некоторые архитектурные «излишества», колонки, лепные украшения и прочее.

«Однажды мы сидели с Генри,— рассказывала мне Нина Георгиевна,— и вдруг мне показалось, что за нами кто-то наблюдает. Взглянула в окно, и мне показалось, что на «башне смерти» не колонки стоят, а «вертухай» на вышке...»

Понять новоселов было можно: после стольких лет жизни под наблюдением многое чего может причудиться. Хотя, с другой стороны, человек – существо, ко всему привыкающее. Вон даже к Сибири, оказывается, можно было привыкнуть, и что-то в той несвободной яви полюбить.

Представьте себе – полюбить! Потому что Он и Она встретились именно там, в Сибири, и это обстоятельство способно многое изменить. Зек-композитор писал в одну из ночей ожидания возлюбленной:

*...Я, кто мог быть мелодией скорбной,
Нежной рифмой любовных поэм,
В этом мире я, как ни прискорбно,
Стал по прихоти рока никем...
Я поверить посмел, будто в мире
Что-нибудь есть помимо Тебя,
Что мне жить не удастся в Сибири,
А забыл, что Сибирь-то – Твоя!
А забыл, что я сам – лишь ночная
Бесконечная песнь о тебе...*

«НЕ БЫЛО БЫ НАС – НЕ БЫЛО БЫ ВАС!»

(И ЭТО ВСЕ О НЕМ)

Как говорил поэт, «большое видится на расстоянии». Чтобы прийти к этому, чтобы в обществе созрела мысль о необходимости именно-го фонда, понадобилось почти десять лет, прошедших со времени кончины Генриха Романовича, и несколько джазовых фестивалей.

Хотя масштабность личности сообразна росту этого человека – многие помнят его высоченную, согбенную фигуру, очень похож был на Дон Кихота, и не только внешне.

Когда его не стало, композитор и друг Терпиловского Юрий Саульский сказал, что ушел последний аристократ джаза.

– Я иногда напоминаю молодым: не было бы нас – не было бы вас, – сказал Олег Леонидович Лундстрем. – Искусство живо преемственностью. Вклад таких творцов, как Терпиловский, как Утесов и многие другие, просто неоценим. Ведь многое из того, что подается сегодня как открытие, новаторство – уже было.

Рок во многом вырос из джаза. Я дружил с Генрихом Романовичем и всегда дорожил этой дружбой. Но и я не знал, похоже, его достаточно хорошо. Вы говорите: он писал стихи, рисовал – для меня это новость. Ну, вот такой это был скромный человек. Вроде бы

знали друг друга давно, а сколько тайны в человеке обнаруживается... Слишком поздно узнаем мы все это. Я горжусь пермяками, есть теперь в России город, в котором установлена мемориальная доска в честь джазмена...

Открытие мемориальной доски на доме по ул. Соловьева, где жил Г. Р. Терпиловский (в настоящее время доска существует в другом исполнении).

– Сам я не застал в живых Генриха Романовича, но много слышал о нем, конечно, а в нашем коллективе до сих пор играют музыканты, которые работали вместе с ним, – рассказывает художественный руководитель фестиваля «Звездный дождь» Сергей Харузин.

– Когда я работал в газете «Вечерняя Пермь», – вспоминает Николай Владимирович Гашев, – мы часто встречались с Генрихом Романовичем, и не только по работе (он же был нашим «почетным рабкором»!). Помню, однажды в столовой я рассказал ему про какие-то свои неприятности, что плохо, мол, дела идут. А он мне своим тихим голосом: «Разве это плохо... Вот когда следователь на допросе переворачивает табуретку и приказывает тебе садиться на нее, и она входит в тебя, как кол, – вот когда плохо». Его же уже к «вышке» приговорили однажды, даже на казнь вели, инсценировку устроили... Еще помню такую деталь про последний арест, в Перми. В тот самый раз, когда Терпиловского обвинили, что он английский шпион, передавал секреты через музыку. Так это на него соседи по дому «настучали», недовольны были, что он допоздна музицирует. Что еще помнится, так это его «сороковины». На вечере памяти замечательного человека нас было всего четыре человека. Из музыкантов был один поляк, игравший одно время с Терпиловским.

– Замечательный мужик был Генрих Романович, отличался от других, – говорит народный художник России скульптор Вячеслав Клыков. – В 80-е годы, когда я работал в Перми над памятником «Героям фронта и тыла», я решил сделать портрет Терпиловского. Общение у нас шло на уровне доверительных отношений. Планку такие люди, как он, подняли в обществе очень высоко. Не дают одичать в нашем сумасшедшем мире. Внешность, фактура у него была также выдающаяся. Как складной старинный ножик. Портрет красиво у меня пошел, этюд получился (в пластине), в три четверти натуры... Жаль, мне пришлось уехать в Москву, портрет со временем погиб, наверное. Это была личность, конечно. Я все сделаю ради памяти Генриха Романовича.

В. ГЛАДЫШЕВ.

ЗАПОЗДАЛАЯ МОЛИТВА

Много струн у горя на лютне,
У счастья же нет ни одной.
Жил ли кто меня бесприютней
И глубже изведаль ли дно?

Я не прожил — я протомился
Половину жизни земной.
Если б верил, если б молился, —
Ждал бы жизни уже иной.

Но моя озорная сила
Не склонялась перед крестом.
Не за то ли всю жизнь томила
Мысль об этом, дума о том,

Том и этом, мне недоступном...
Что имелось, то я не берег!
Слабый в вере, слабый в преступном,
Чем я стал, и чем быть бы мог?

Отчего, Господь, моя сила
Не смирялась перед Твоей?
Ты был добр, и меня любила
Нина — перл твоих дочерей.

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну.
О грядущей Ты, Бог, подумай, —
Я и так погубил одну!

Генрих Терпиловский,
8 января 1952 г.

НА КРАЮ ЕВРОПЫ

1994 году был зарегистрирован Пермский центр польской культуры. О целях его создания, делах и заботах рассказывает руководитель центра Мария Валентиновна Старцева, или просто пани Мария:

– Цели какие? Реанимация культурных традиций, возрождение этнических норм среди польского населения... Фактически это означает и восстановление национальной самобытности поляков, издавна проживающих в Прикамье. Членов центра объединяет интерес к истории и культуре, бытовым народным праздникам. Все это было, все это жило в доме каждого из них, а теперь возвращается через центр. Мы организовали курсы польского языка, проводим праздники в национальном духе, в которых принимают участие люди разных возрастов. Это способствует нерасторжимой духовной связи между поколениями. Жива в нас память о том, что здесь, на краю Европы, поляки занимались просветительством, являясь, по сути, носителями европейской культуры. И в то же время благодарно вбирали все лучшее от местного населения.

В апреле 2000 года широко праздновалась Пасха польски. Она дала людям возможность в полной мере ощутить особенности польского менталитета, роли христианско-католических норм в жизни поляка, особенности германических тради-

Распятие в храме воссоздано местным живописцем по старой фотографии.

Чугунное распятие – находка пермских археологов – поступление 2000 года.

Преломление хлеба в Рождество
(справа-председатель ПЦПК пани Мария Старцева,
слева-член совета пани Алевтина Сырчикова).

ций, познакомиться с нашим фольклором. На празднике царила атмосфера непринужденного общения людей разных национальностей.

Волнующий момент, когда люди преломляли между собой яйцо, соответственно польской традиции. Это означает готовность быть всегда вместе: и в довольстве и в радости, и в трудные минуты жизни.

В «Польской гостиной» прошли заседания и по таким темам: «Этническая природа Урала», «История культуры народов Урала». Это нам интересно, потому что здесь мы живем, Прикамье – наш общий дом: и поляков, и немцев, и евреев, и людей еще других 100 национальностей, живущих на Урале. И от нас зависит, чтобы тут царили мир, взаимопонимание, доброжелательные отношения друг к другу.

В. ГЛАДЫШЕВ.

«ПРИСТАНЬ ВСЯКИХ ИНОРОДСТВ»

История национальных участков Егошихинского некрополя, самого старинного из сохранившихся в городе, – своеобразное отражение истории заселения Перми и верный барометр изменений на этнографической карте города в разные периоды. Недаром поэт-футурист Василий Каменский называл родную Пермь «пристанью всяких инородств», здесь и в наше время мирно проживают представители более ста национальностей.

При входе на польское (католическое) кладбище – «cmentarz» – мне всегда вспоминается одна забытая могила в Литве, на погосте Пажайслийского монастыря под Каунасом. Там, в окружении надгробий, склепов польских и литовских знатных людей, лежит и каменное надгробие Алексея Федоровича Львова, «композитора народного гимна «Боже, царя храни» (так гласит надпись на надгробии). Вот где нашел свой конец 72-летний музыкант, действительный тайный советник – в имении дочери, на самой окраине империи. Почему там – станет понятно, если вспомним, что в Литве многие храмы в XIX веке, начиная с царствования Николая I, насильственно преобразовывались в православные. Брат Львова, Николай Федорович, жил в Перми, до 1853 года служил председателем Пермской казенной палаты.

Таким же осколком, напоминанием о необъятной царской империи, свидетельством тирании властей, крушения судеб и одновременно красоты и величия свобододолюбивых гордых душ воспринимается в далекой Перми, на краешке Европы, тихий, самый ухоженный польский участок кладбища*. Порядок здесь наведен недавно благодаря стараниям членов Пермского общества польской культуры и настоятеля храма отца Анджея. Этот островок памяти возник в связи с тем, что после подавления польских национальных восстаний 1830 и 1863 годов на Урале стали появляться ссыльные бунтовщики. Хотя поляки среди пермяков жили уже в конце XVII века, но отряд местной интеллигенции заметно пополнился после восстаний. Бунта-

* Впервые список поляков, похороненных на Егошихинском кладбище, опубликован в книге «Перми старинное зеркало» («Раритет-Пермь», 2001).

ри – бунтарями, но в Перми им были предоставлены возможности для работы, карьеры, продолжения рода и ассимиляции. С некоторыми потомками мы познакомились «под сенью крестов».

– Дед у нас был из поляков, ВЕРЖБИЦКИЙ Сергей Петрович. Он работал механиком на пароходе, пока ему не оторвало руку. Умер он в конце 20-х от рака желудка, а бабушка – от рака горла (через несколько лет после деда отошла, помню, хоронили ее, поставили гроб прямо на дедовский, еще не сгнил, могилка возле поляка Ходаковского). Такая у нас семья. А отец был кондитером, работал в артели, звали его КАРМАНОВ Прокопий Федорович, умер от рака легких в 44-м году, всего 39 лет. Отпевали всех во Всехсвятской церкви. В той самой церкви я венчался потом, да-да! Несмотря на то, что в партии был, но отец невесты сказал, как отрезал: «Я ваш брак без венца не признаю». Опасения у меня были, конечно, ведь попы-то тогда все были повязаны с КГБ, ну, если «настучат» – конец моей карьере. Я в армии служил, причем рвался ведь служить-то! Сейчас взятку мечтают дать, чтобы не служить сыну, а я, наоборот, в училище с завода вырвался за «взятку»: сделал для человека, от которого зависела моя судьба, зажигалку по его просьбе. Вот как мы жили...

*Б. КАРМАНОВ,
подполковник в отставке.*

На обширном участке, выделенном возле лога, отделяющего Старое кладбище от Нового (и старые добрые времена от грянувших бурь), в разные годы упокоились чиновники, врачи, преподаватели, инженеры, музыканты, артисты, зодчие. Подойдем к некоторым из них.

БАЛКОВСКИЙ Казимир (ск. в 1893 г. 60 лет).

БОНЕ Леокадия Валентиновна (ск. в 1900 г. 66 лет). Надгробие напоминает о том, что в дореволюционной Перми была популярна

аптека Карла Боне, что на ул. Покровской, здесь покоится его родственница.

БРАТКОВСКАЯ Каролина (1828–1869). Есть эпитафия, написанная «неутешной Лялей Кожинной»(?): «Прохожий, здесь лежит наилучшая дочь и мать, достойная ангельского привет».

БУДЗИШЕВСКАЯ Зофия (1848–1913), жена ветеринарного инспектора.

ВОРОПАЙ Игнацы (ск. в 1908 г.), губернский землемер, был избран синдиком (старостой) католической общины, а также членом Пермского статистического комитета. Рядом покоится его жена Юлия, умершая на 10 лет раньше мужа.

КОЗАКЕВИЧ Иосиф Томаш (русский вариант – Фомич, ск. в 1888 г.).

МАКОВСКИЕ Казтан Карлович (надгробие не сохранилось) и Александр Николаевич (1880–1945).

МАНЦЕВИЧ Эдуард (ск. в 1891 г.).

МАНКОВСКИЕ Станислав (ск. в 1878 г.) и Бронислав (ск. 1895 .) Есть сведения, что один из них был искусным садовником, в этом качестве его пригласил на службу пермский губернатор; в частности, сквер Декабристов, что перед тюрьмой в Разгуляе, разбит Манковским.

МЮЛЛЕР Иосиф Фердинанд (ск. в 1909 г.).

ОКИНЧИЦ Людвиг (ум. в 1909 г.), губернский врач, член статистического комитета. Рядом его брат Владислав, тоже врач (ск. в 1891 г.).

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ Феликс Людвигович (ск. в 1895 г.).

СОНГИН Александр (надпись по-польски, ск. в 1901 г. 80 лет).

СУХОВСКИ Гжегож (ск. в 1900 г. 45 лет).

ФРИАУФ Генри (ск. в 1918 г. 52 лет).

ХОДАКОВСКИЙ Стефан, инженер-технолог (ск. в 1909 г.). Рядом – могилка его сына Вячеслава (ск. в 1883 г. 6 лет).

ХОЗЕР Густав Лаврентьевич (ск. в 1910 г. 60 лет от роду).

ШЕТКЕВИЧ Казимир (ск. в 1869 г. 69 лет), действительный статский советник, гласный уездного земского собрания; был синдиком католической общины.

ЯНЧЕВСКИЙ Здислав, еще один врач, он мало пожил на белом свете, скончавшись в 1872 году от чахотки, болезни, которая чаще

всего и сводила чужеземцев в могилу: суровый уральский климат поляки не переносили.

Обратим внимание на то, что на польском кладбище немало детских надгробий. Это объясняется, конечно, тем, что к суровым уральским условиям ссыльные привыкали с большим трудом, многие не выдерживали испытаний. Вот одно из надгробий, белый каменный крест: гимназистка Ядвига ИЗБИЦКАЯ (ум. в 1897 г., прожив 12 лет); под этим же памятником покоится прах отца девочки, Петра, жизнь которого также оказалась короткой.

Есть на пермском цмен-тарже и общий памятник, какие ставят на братской могиле, — всем ссыльным, сгинувшим в чужих краях. Можно

считать, что это памятник и тем полякам, могилы которых уже не смогли мы найти на Егошихинском кладбище. Как это ни странно, но среди них и такие пермские знаменитости, как зодчие Р. И. КАРВОВСКИЙ (1830–1896) и А. Б. ТУРЧЕВИЧ-ГЛУМОВ (ум. 30 декабря 1909 г. 54 лет), и просветитель Юзеф ПИОТРОВСКИЙ (ПЕТРОВСКИЙ) (1840–1923), многолетний казначей научно-промышленного музея, открывший вместе с женой Ольгой Платоновной в 1876 году первый в Перми книжный магазин.

Поляки покоятся и на других участках старинного некрополя. Семейный участок НАГРОДСКИХ возле Успенской церкви состоит из

Службу у надгробия первого пермского ксендза отца Антония Шостаковского проводит архиепископ Тадеуш Кондрусевич.

трех каменных надгробий: отца, матери и сына, офицера-артиллериста, который умер молодым. Символом его рано оборвавшейся жизни и служит памятник в виде дерева с усеченной кроной. В разные годы на Новом кладбище упокоились: врач БИТОВТ-ГУСЕВА Ядвига Витольдовна (1885–1955); ДАЛЕЦКИЙ Мартын Иосифович (1886–1952); СТАХОВСКАЯ М. И. (1907–1953)...

Недалеко от Всехсвятской церкви – памятник семьи барона Медема и большой каменный крест с изображенной на камне лирой – это надгробие скрипача, дирижера и педагога Людвиг (Людвика) ВИНЯРСКОГО. И как тут не вспомнить другого музыканта и отпрыска польско-русского рода, посланного Перми полвека спустя после Винярского, – Генриха Романовича Терпиловского, одного из основателей отечественного джаза, которого называли иногда «пермским Дон Кихотом» – не столько за высокий рост, сколько за характер (похоронен на Южном кладбище). А в центральной аллее Егошихинского кладбища похоронен еще один ТЕРПИЛОВСКИЙ – Михаил Александрович, человек, судя по эпитафии, не менее трудной судьбы. Бог ты мой, сколько же *многотерпиловского* народу на земле нашей?..

ВОСПОМИНАНИЕ О ВИЛЬНО

Три черных креста, стоящие близко друг от друга, похожи на памятник «Три брата», установленный в Вильнюсе (бывший польский город Вильно), на высокой горе. Д. БЛАЖЕВИЧ (ск. в 1908 г. 59 лет), на его надгробном камне есть надпись по-русски: «Вечная память от брата и от общества рабочих казенного винного завода». Справа – еще два чугунных креста на каменном основании, надпись на одном из них разобрать невозможно, на другом надгробии, И. ТАЖЕВИЧА (ск. в «*grudnię*» – декабре 1914 г.), есть изображение гусяного пера.

Неподалеку похоронены литовцы, отец и дочь ВАЙЧУНАС Франц Венедиктович (1875–1940) и Ольга Францевна (1927–1948). На Старом кладбище есть надгробие литовки Доры КУТРЯВИЧЕНЕ (ск. в 1915 г. 77 лет), с эпитафией: «Мое тело после перенесенных бедствий исчезнет, моя душа радуется дружбе с избранными».

Из Вильно приехали в Пермь и предки композитора Д. Д. Шостаковича. Прадед его, Петр Михайлович, был выслан за революционную деятельность вместе с женой Маргаритой Ясинской. Он и похоронен здесь. В Перми в 1845 году родился Болеслав Шостакович, дед Дмитрия Дмитриевича...

А самое «намоленное» место в католическом секторе – возле могилы ШОСТАКОВСКОГО Антония (ск. в 1871 г.). Человека, который проводил в последний путь многих из захороненных здесь. Он был ксендзом. Это по его инициативе, в первую очередь, появился на Пермской земле храм, до открытия которого отец Антоний не дожил четыре года. В советские годы, когда храм был передан властями под другие цели, местные католики приходили молиться сюда – к надгробию первого католического священника...

В. ГЛАДЫШЕВ.

ПОЛЬСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ

помощью самого заурядного, казалось бы, рекламного объявления столетней давности можно сделать потрясающее открытие! Вот фирма «И. Мацкевич и К°» через свое торгово-промышленное посредничество в Перми расхваливает универсальную скоропишущую машину (именно так: уважительно «машина», «машинкой» техника станет позже) системы «ADLER». Тут вам и самая усовершенствованная конструкция, и полная гарантия, и простота, и долговечность, и «видный шрифт». Но главное: «На одной лишь пишущей машине можно писать на нескольких совершенно разнородных языках, например на русском, немецком, польском, французском, английском и проч., немедленно переходя с одного шрифта на другой без малейшей затраты времени».

Не случайно здесь среди основных языков упомянут польский. Расчетливые коммерсанты знали, где «толкать» свой усовершенствованный товар: поляков на Урале и в Перми, в частности, проживало тогда немало.

Многообразно польское присутствие на суровой уральской земле... Поляки оставили рельефный след в исторической памяти, действуя во многих сферах экономики, просвещения, культуры. Можно без натяжки сказать: оказавшись здесь не по своей воле (в преобладающем большинстве) поляки по мере сил и в «глубинке» двигали прогресс.

Вспомним уже упомянутого Игнатия Иосифовича Мацкевича. В его посреднической фирме на ул. Малой Ямской появился один из первых телефонов – № 477. Он же поддержал представительство фабрики по производству «современных приборов для наружного и внутреннего освещения торгового дома Э. Кржелинского в Варшаве». И «Варшавская специальная прачечная А. Михальского» также обосновалась в Перми (на ул. Ямской в доме Танова). Книжный магазин Ольги Петровской открылся в доме Ковальского на ул. Сибирской (назывался магазин по фамилии жены ссыльного, но сам Иосиф Пиотровский также вкладывал в дело просвещения всю душу).

Реклама – двигатель торговли: пишущая машина от Мацкевича, продукция торгового дома Поклевского-Козелл, гастролы Варшавского театра...

А откуда мы все это узнаем? Из справочной книги «Вся Пермь» на 1911 год, издает которую в этот период все тот же энергичный Игнатий Мацкевич, потомственный дворянин, предприниматель, редактор...

Много ли их было, тех людей, кого мы привычно относим к польской диаспоре? Если судить по конфессиональной принадлежности, то на начало 1863 года – т. е. уже после подавления второго восстания – жителей римско-католического вероисповедания в губернии не насчитывалось и полтысячи (из них 360 мужчин). Причем, после Перми больше всего их было в Чердыни, Кунгуре, Верхотурье, Шадринске, Красноуфимске, Осе, Екатеринбурге («Памятная книжка», сост. С. Пенн).

Несколько иные данные приводят авторы прошения о строительстве храма в Перми на имя митрополита Могилевского (заметим, что резиденция митрополита, однако, располагалась не в Могилеве, а в российской столице, С.-Петербурге, но несмотря на то, что министр

внутренних дел находился, стало быть, недалеко, но разрешения высшей инстанции на строительство каплицы пермским католикам пришлось ждать много лет). Подписано послание 18 августа 1859 года такими видными людьми, как подполковник корпуса инженеров Л. Буткевич, надворный советник Ю. Шадурский, поручик лесного корпуса И. Ходаковский. В документе говорится, что в Пермской губернии, простирающейся по обоим склонам Урала, католиков различных национальностей, разбросанных по различным местам и фабрикам, около тысячи. Некоторые из них занимали высокие позиции как в военном, так и в гражданском ведомствах, другие служили в армии «нижними чинами», или, по окончании службы, «изыскивали содержание с промыслов или заработков». Немало и таких, кто был прислан сюда на жительство за различные преступления или подозрения о таковых. Но речь идет не только о ссыльных, наказанных за антигосударственную смуту. Были и такие, кто приехал в наши края «для промышленности и торговли..., пребывали на высших или низших должностях на пароходстве и фабриках». (РГИА, исторический архив РФ, ф. 826, оп. 1, д. 555.)*

** В книге очерков «Пермь от основания до наших дней» (П., 2000) в разделе, посвященном пермским католикам, есть несколько неточностей. Некорректна фраза: «С подобной просьбой (об открытии храма.– Прим. автора) католики обратились и к митрополиту Могилевскому, но безрезультатно». Можно подумать, что митрополит тоже отказал, между тем он был всего-навсего промежуточной инстанцией, которую миновать было нельзя, но последнее слово было за департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД. Странно, что автор, перечисляя первых священников-кураторов католической церкви Перми, не называет опального епископа Каспера Боровского, который и освящал храм в 1875 году, и, кроме того, пожертвовал на его строительство 1900 рублей (т. е. почти половину сметы!). Неточна также фраза автора: «До 60 процентов прихожан составляли литовцы, остальные – поляки и французы». Надо вспомнить сложную историю Польского государства: если в интересующее нас время место рождения человека называлось «Вильно» (а не «Вильнюс»), то это вовсе не значит, что он литовец... Таким образом, есть существенное расхождение между официальными данными, вошедшими в справочник, и неофициальными, какими оперировали сами католики. Мы должны всегда иметь ввиду эту разницу.*

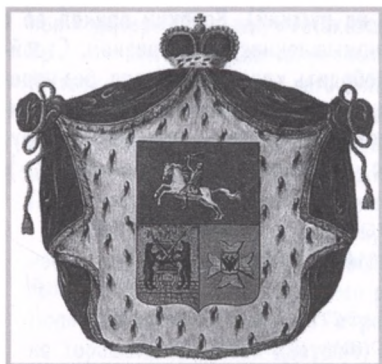
Упоминания о поляках рассыпаны по многим источникам, документам, воспоминаниям, литературным произведениям. Любопытно проследить за тем, как со временем менялся образ поляка в восприятии местного населения.

Михаил Осоргин, видный писатель русского зарубежья, наш земляк, иронизировал над пермскими нравами в связи с крупной бедой, опустошительным пожаром, уничтожившим полгорода: «...Как загорался – неизвестно, но, по господствовавшему мнению, его подожгли либо черти, либо поляки». Здесь нашло отражение и подозрительное отношение жителей провинциальной «столицы» вообще к иноземцам («немцам», как говаривали в старину), и отзвук на официальную антипольскую пропаганду в связи с восстанием; кроме того, просвещенные люди, конечно, читали пушкинское стихотворение «Клеветникам России». Что касается Осоргина, то чуткая душа его не могла не уловить этого своеобразного восприятия чужаков: мать Михаила Андреевича была варшавской институткой, получив там образование, работала в пермских газетах, делала переводы. Семейной реликвией был портрет ее в молодости, сделанный варшавским художником.

Ссылных повстанцев поначалу местный люд принимал настороженно, недоброжелательно. У известного краеведа XIX века Д. Д. Смышляева в записках «Из прошлого о старых временах и людях» встречаем упоминание про ссылных «польских маршалов» – налицо эмоционально окрашенный термин, в котором чувствуется скрытая ехидца.

Но постепенно, после того, как местные люди ближе познакомились с «мучениками польского дела» (А. Герцен), после того, как узнали, что двигало этими «преступниками», отношение к ним изменилось, потеплело. Сказалась и такая национальная черта русского человека, как сердечность, стремление поддержать в беде любого страдальца, каждого гонимого, поделиться даже последним с тем, кто горе мыкает.

Здесь любопытно будет рассмотреть происхождение пляски «Камаринская». Есть две версии, одна – что слово, сам лихой разудалой

Герб князей Голицыных.

танец – собственно русский, этимология его связана со словом «комар». Но есть и такое толкование, что происходит танец от названия бывшей польской волости Камаричи. Доходы польских и литовских князей в этом месте поступали в «камару» – их личные владения, отсюда и название... Как бы то ни было, но само сближение, «состыковка» русско-польских национальных традиций на данном уровне весьма символична. Мы име-

ем дело с реакцией на среду почти загнанного человека, когда силы неимоверно напряжены, когда отчаянное веселье – разрядка, когда лихость – на грани, и неизвестно во что все выльется...

Можно сказать, русско-польские связи существовали, развивались с различной интенсивностью на всех уровнях, на протяжении всей истории земли Пермской. Если мы посмотрим на герб древнего рода князей Голицыных, крупных уральских собственников, то увидим там на соболином фоне изображение всадника с мечом, знаменитой «Погони», которая живо напомним и о польско-литовских корнях наследников князей. А последним губернатором до Октябрьской революции 1917 года у нас был «человек с самой длинной фамилией» и не менее интересной генеалогией – М. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский.

У упомянутых бар Голицыных в числе крепостных был талантливый поэт Иван Иванович Варакин (1759–1818). Он попал к князю Голицину в качестве «приданого» дочери Строгановых. Этот поэт всю жизнь добивался раскрепощения себя, своей семьи, за него ходатайствовал даже В. А. Жуковский. Но тщетно! Когда в 1808 году в Вильно вышла книга Валериана Стройновского (сначала на польском

языке, потом была переведена на русский), Варакин принял ее с восторгом, поэты оказались единомышленниками в главном. Стройновский призывал правителей освободить крестьян (правда, без наделения землей). Министр просвещения России потребовал запретить книгу. И тогда Иван Варакин напечатал такое стихотворение (цитируется по публикации А. К. Шарца, «Календарь-справочник 1969 г.»):

К тебе, друг правды беспримерный,
Гласят пронзительны сердца:

Стройновский!

...Подвигнут жалостью к несчастным,
Ты внял их столам повсечасным,
Которым полон полумир...
Вещаю истину несложну,
Ты алчность обличил безбожну...

В высших, просвещенных кругах местного общества не было антагонизма, религиозной или национальной вражды. В доме крупного предпринимателя-мецената П. Д. Дягилева (деда знаменитого организатора «Русских сезонов») среди картин, икон находилась и копия «Мадонна непорочного зачатия» с картины испанского мастера Мурильо (ныне находится в фондах Пермской галереи).

М. А. Любич-Ярмолевич-Лозина-Лозинский.

нов и дочерей Польши, кто оказался в наших краях и не проклял их. Тех, кто пел украдкой запретные слова «Еще Польшка не сгинела...» (Кстати, еще неизвестно, чего больше, той самой благоприобретенной терпимости или коммерческой изворотливости – в том, что в 2001 году в Перми был открыт бар «Железный Феликс». Слегка переиначив удачный слоган, скажем: «Держись с нами!» Но памятник Дзержинскому в Перми по-прежнему стоит, в отличие от Москвы, Варшавы, Каунаса.)

Ветром норовистой судьбы в уральский городок Гремячинск занесет в 30-е годы XX века Вячеслава Сигизмундовича Ласкаржевского, одна из ветвей его древнего рода связана родством с Буниными. Польский потомок выживет, отразив все удары судьбы. Он женится на хорошей, пригожей девушке, которая была из поволжских немцев. Дочь, появившаяся в этом смешанном браке, будет носить фамилию «Иванова»...

Люди потихоньку знакомились с культурой, обычаями своих народов. Появлялись и смешанные браки. Взаимопроникновение, сближение культур происходило и на бытовом уровне. Посмотрите, к примеру, на состав Пермского общества любителей правильной охоты (было и такое сто лет назад). Возглавлял его действительный статский советник И. Я. Голынец, товарищем председателя (т. е. заместителем) был статский советник губернский землемер И. М. Воропай, он же – синдик (староста) местной католической общины, а среди членов общества – корнет Ржевский, братья Раленбеки, из немцев-лютеран...

Правильно охотиться – тоже искусство: не браконьерствовать, не губить природу. Искусству этому, надо признать, мы так и не выучились. Вот и развернулась неправильная охота сначала на зверей, на флору и фауну, а затем и на людей. (Один современный польский журналист в репортаже о «военном положении», введенном генералом Ярузельским, привел совет своей бабушки: «Тикайте в леса». Она в годы гражданской войны в России жила в Перми и спаслась тогда, потому что вовремя ушла в лес. Вот вам уроки выживания на генетическом уровне, вот вам тактика борьбы «За нашу и вашу свободу!»)

Из той же справочной книжки «Вся Пермь» 1911 года, изданной И. Мацкевичем, мы узнаем, что пермские поляки поначалу старались селиться кучно, поблизости друг от друга. Не случайно много их домов, заведений было в окрестностях ул. Ямской. Чтобы поближе к храму. Отец Казимир Мустейкис, настоятель Пермской римско-католической церкви, жил «в доме польского костела» на ул. Б. Ямская, 28 (здание сохранилось). И органист Станислав Канцлерж жил в том же доме.

А если взглянуть на состав Пермского Благородного (Дворянского) собрания начала века – опять открытия. Польское присутствие здесь очень сильно. Предводитель – Доменик Войцеховский, из шести старшин двое опять же сыны польского края, Козтанович и Косовский... Полку пермского дворянства сильно прибыло благодаря польским ссыльным.

Совершенно удивительный факт: католический священник Мустейкис служил законоучителем в Пермском реальном училище. Согласитесь, это сильно расходится с расхожими утверждениями о том, что государственная православная церковь подавляла всех и вся.

Своим детям ссыльные старались давать хорошее образование – и, как правило, имели для этого все возможности. Вот, например, братья Окинчиц. Учились в Пермской мужской гимназии, в одно время с Сергеем Дягилевым (закончили курс на три года позже его, 1894 г.). Обучение продолжалось восемь лет, оба брата выучились на врача, один – в Казанском университете, другой – в С.-Петербургской военно-медицинской академии. Из книги А. В. Зверева об этой гимназии (Пермь, 1896 г.) мы узнаем, что один из братьев, Адам, «успел» родиться еще в Польше, в местечке Сегневици Гродненской губернии, а вот Людвиг – в селе Суксун, значит, уже ссылка. В характеристиках на братьев отмечается, что оба – сыновья дворянина, поведения отличного, а вот вероисповедания, как ни странно, разного: Адам – римско-католического, Людвиг – лютеранского.

Людвиг Окинчиц успешно работал не только врачом. Он стал членом Пермского статистического комитета, но прожил на свете недолго, умер в 1909 году, похоронен на Егошихинском кладбище.

Вспоминаю, как открывали в Перми мемориальную доску в честь первого книжного магазина. Это была какая-то фантастическая ситуация, иначе не скажешь. Событие воспринималось окружающими как явный вызов судьбе, или как жест отчаяния, или одновременно и то, и другое. Начало 90-х, в магазинах – хоть шаром покати. Россия – во мгле, и природа создала соответствующий фон: в тот день пуржило. Книжные магазины в городе прикрывали один за другим, «перепрофилировали» самым беззастенчивым образом. А тут кучка каких-то чудаков из общества охраны памятников, людей «не от мира сего», призывает толпу хотя бы слегка опаматоваться, остановиться, задуматься у мраморной доски с надписью: «В этом здании в 1876 г. ссыльный поляк Юзеф Пиотровский (1840–1923) открыл первый в Перми книжный магазин».

Пришили доску к обшарпанной стене здания ЦГ – центрального гастронома, то есть в самом «чреве Перми». К чести пермской интеллигенции нужно сказать, что дело «выгорело» благодаря только ее голому энтузиазму. Спонсоров под благородную акцию найти не удалось. Все пермские банки отказали, как сообщил перед кратким митингом руководитель объединения «Лик» (эта организация и внесла почти половину требуемой суммы). А начался сбор, как в старые добрые годы, с подписного листа, который пустила среди членов клуба «Пермский краевед» инициатор всей акции историк Елена Дмитриевна Харитонова. Существенно поддержал нас также ректор пединститута И. С. Капцугович. И даже сотрудники польского посольства прислали сколько-то средств.

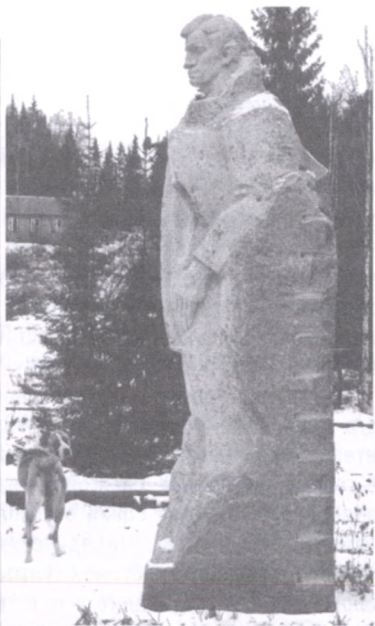
На открытие доски приезжал тогдашний генеральный консул Польской Республики в Москве М. Журавский. Как он признался в интервью, на русском языке он читает с пятого класса, а книги Льва Толстого («особенно о кавказских событиях») относит к своим любимым.

Гремели проскакивавшие мимо кучки людей трамваи, шумел людской поток... Кто-то из спешащих останавливался, заинтригованный, читал надпись на неприметной доске. Все это отдаленно напоминало корму утлого суденышка в бушующем море.

...Поляки умели помогать друг другу, на чужбине они держались, выживали часто только благодаря вере и духу солидарности. Примеров тому мы знаем из литературы немало. Подобные случаи есть и в пермской истории.

Однажды, на заре XX века и своей великой биографии, в Пермь из Вятки заехал молодой искатель приключений, как он сам написал в одном из своих произведений, «горя нетерпением и отвагой». У юноши было рекомендательное письмо от отца, которое он и передал по назначению – владельцу крупного колбасного магазина, «замкнутому, спокойному поляку лет сорока» (Колбасное заведение В. Ковальского находилось на Покровской улице, против Гостиного двора). Тот помог устроиться юноше на работу и поначалу «подпитывал» его... Фамилия юного путешественника была Гриневский (Ковальского в повести он назовет Ржевским). Пройдет несколько лет, и читатели узнают писателя-романтика Александра Грина.

Для писателя не стала родиной ни Пермь, ни Вятка, и Польшу он никогда не узнает. Певец мечты, Грин создал собственную страну – Гринландию.

«Горя нетерпением и отвагой...»
Памятник писателю Александру Гриневскому (Грину) в музее реки Чусовой – там, где он искал золото.

В. СБОРОВСКИЙ.

АКТ № 7

Протокол допроса П. Сцегенного, произведенного и. д. судебного следователя 1 части гор. Перми Синельниковым в присутствии корпуса жандармов подполковника Комарова

21 июня 1863 г.

1863 г., 21 июня, в гор. Перми и. д. судебного следователя по 1 части гор. Перми и подполковник корпуса жандармов Комаров допрашивали состоящего под надзором полиции Сцегенного, который показал следующее:

Зовут меня Петр Альбертович Сцегенный, лет мне 63, веры я римско-католической, обряды своей веры исполняю, бывший ксендз прибо* из местечка Ходель Люблинской губернии, под судом и следствием был за участие в возмущении, по приговору суда лишен всех прав состояния и сослан в каторжные работы без срока в 1846 г., в 1856 г. прощен высочайше и оставлен на жительство в Восточной Сибири, а в 1858 г. позволено возвратиться в отечество с тем, чтобы в гор. Перми ожидать особых на то распоряжений.

Деньги сосланным в Сибирь за политические преступления я всегда посылал по почте, относил я эти деньги на почту сам, только в последний раз просил отправить 25 руб. серебром казначея палаты государственных имуществ Фогеля; сосланным же в разные уезды Пермской губернии деньги я посылал иногда по почте, а иногда и с оказией, но теперь припомнить не могу, кому именно я поручал отвозить эти деньги.

Деньги, мною сосланным посылаемые, я или получал от их родственников из Польши и Литвы для пересылки им, или же посылал им свои собственные. Всего отправлено сосланным полученных от их родственников около 60 руб. серебром, своих же мною послано 18 руб. серебром, никак не больше, деньги эти я сохранил из оклада, от правительства мною получаемого — 9 руб. 52 коп. серебром. Кому именно я посылал присланные родственниками деньги

* Так в документе.

для ссыльных, я не помню. Фамилии ссыльных забыл, но высылал я для раздачи им деньги на имя сосланного под надзор полиции ксендза Мелиховича, рядового Целецкого в гор. Омск и жены служащего по питейно-акциозной части Виктории Мысловской.

Для отсылки в Сибирь* я никогда никаких денег не собирал и посылал ссыльным в эти места только деньги вышепоказанные. Собираю я в Перми деньги для помощи проходящим через гор. Пермь в ссылку и возвращаемым из оной сосланным. Начался сбор, как кажется, в начале 1862 г., деньги на этот предмет я брал у бывшего откупщика Пермской губернии Коньяра до 600 руб. серебром; [у] возвращенного в отечество ксендза Вышинского — 100 руб. серебром; из Варшавы от студентов Медицинской академии 140 руб. серебром. Расход этих денег следующий: так как Коньяр тем, которые могли заплатить, давал заимообразно, а только бедным помогал без возврата, то 140 руб. серебром, полученные из Варшавы, были отданы Коньяру в уплату выданных им 600 руб. серебром; 50 руб. серебром были выданы идущим через гор. Пермь на службу в сибирские батальоны, фамилии их не упомяну, кроме одного сосланного из Варшавы мещанина Коха, было их 6 человек всего; 50 руб. серебром выдал я ксендзу Вышинскому в бытность его в гор. Перми для отправления в отечество четырех, бывших с ним вместе, возвращенных ссыльных, фамилии которых не знаю. Кроме того, выданы Игнатию Луба 25 руб., Владиславу Подъядловскому — 50 руб. серебром, Густаву Пшвано — 75 руб. серебром, Францишку Годлевскому — 50 руб., Роману Яниковскому — 50 руб. серебром, Людвигу Коху — 50 руб. серебром. Все эти деньги выданы возвращающимся в отечество вышеупомянутым лицам заимообразно, отданы ли они Коньяру, не знаю. Даны безвозвратно возвращаемым в отечество Альфонсу Ющинскому — 40 руб. серебром, Антонию Вольскому — 40 руб. серебром, Францишку Хофман — 40 руб. серебром, Константину Петри[мо]вскому — 20 руб. серебром. Отправляющимся в Сибирь даны безвозвратно: Леопольду Целецкому — 5 руб. серебром, Ицку Шварценбергу — 3 руб. серебром, Августу Шафранскому — 3 руб. серебром, Яну Млынарши[ку] — 3 руб. серебром, Томашу Кухелка — 3 руб. серебром,

* Далее зачеркнуто «или уезды Пермской губернии».

Иосифу Грабовскому — 3 руб. серебром, Вильчинскому — 3 руб. серебром, Сулковскому — 3 руб. серебром, возвращенному на родину Фроловичу — 28 руб. серебром*. Остальные за сим 106 руб. серебром я раздал по мелочам, соображаясь с их надобностью, разным сосланным, имен их не упомяну, а также истрачены на наем квартир, и нужды оставшихся несколько времени в гор. Перми сосланных в Сибирь.

Кроме того, собрано мною до 60 руб. серебром в пользу сосланных в уезды Пермской губернии. Деньги эти получены от капитана Корзуна, подполковника Буткевича, офицера корпуса лесничих Солимани**, управляющего пароходством Вроцкого***, отставного, чиновника Путвинского, Сильвестровича — товарища председателя уголовной палаты, капитана Тшчинского, но сколько они давали, не упомяну; может быть, давали и другие, но теперь не упомяну. Впрочем, еще давал Цветинский — управляющий Талицким винокуренным заводом. Деньги эти я отдал ксендзу Фишеру, ксендзу Креницкому, ксендзу Смоленскому, ксендзу Слотвинокому, но по сколько каждому — не упомяну. Больше никаких денег я не собирал.

Кроме назначенных мне от правительства 9 руб. 52 коп. в месяц, я обращался с просьбой к шефу жандармов**** о пособии и мне было выдано в 1861 г., в мае месяце, по высочайшему повелению 100 руб. серебром и в 1863 г. — 100 руб. серебром. Деньги эти мною получены от подполковника корпуса жандармов Комарова, об том, что получу я эти деньги, мне писал, раньше получения официального приказа Комаровым*****, подполковник Буткевич; хлопотать же о выдаче их я просил Коньяра.

С Буткевичем и Корзуном я никаких политических сношений не имел, но с ними очень хорошо знаком, часто у них бывал. У Буткевича учил двух детей-сирот, кроме того, я учил двух девочек у

* Перечисляя все эти фамилии, Сцеженный ничего нового для следствия не дает, так как все эти фамилии с проставленными против каждой из них суммами значатся в обнаруженных при обыске у Сцеженного бумагах (ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 1141, лл. 86—88).

** Солимани — штабс-капитан, ревизор Пермского губернского лесничества.

*** Вроцкий — управляющий конторой пароходства «Самолет» в городе Перми.

**** Далее зачеркнуто «с просьбою».

***** Далее зачеркнуто «выдать мне их, мне писал или Коньяр, или».

губернского врача Палаты государственных имуществ Новкунского и у Путвинского двух сыновей. Об том, что по русским законам нельзя заниматься обучением детей, не имея на то установленного свидетельства, я не знал.

Никаких сношений, кроме переписки с возвращенными сосланными, и то самой обыкновенной, я ни с кем в Литве и Польше не имел и не имею, благотворительного комитета для помощи сосланным я никогда не устраивал, а собирал деньги сам, по мере надобности. Посылали деньги ко мне родственники сосланных*, т. к. через возвращающихся знали, что я живу в гор. Перми, место же ссылки детей сначала им было неизвестно; кроме того, так как я долго был в Сибири, то знаю как места в ней, так и большую часть живущих.

Найденные у меня при обыске комжа у меня уже давно, а стула оставлена ксендзом Слотвинским, их я никогда не надевал и треб никаких не исполнял, кроме,— впрочем, комжи, которую надевал для чтения молитв над усопшими и окропления святой водой, которую оставил ксендз Галимский, а также для исповедывания умирающих. При этом считаю нужным пояснить, что комжу может надеть каждое светское лицо, не посвященное ни в какое духовное звание.

Показал я справедливо и прибавить имею, что деньги ссыльным от родных их посылались и через подполковника Буткевича. Ссылные до прихода в гор. Пермь знали, что Буткевич живет в Перми, Буткевич, получая деньги или письма из Варшавы и Литвы, посылал [их] нераспечатанные ко мне и я с ними уже распоряжался, как объяснил выше. Так, на имя Буткевича, кажется, посланы были деньги Буковскому, Млынарчикову, Кухельце, Рысакову, Вольскому и, может быть, и другим, которых не упомяну.

В одном из полученных мною писем, отобранных при обыске, между прочим спрашивают меня, можно ли все писать, и объясняют, что нет цензуры в гор. Перми. К подобным вопросам я повода не подавал и что мне хотели бы писать запрещенное, не знаю. С чего

* Далее зачеркнуто «деньги им».

написал мне ксендз Мелихович, что он готов со мной встретиться с крестом на груди и палашом в руках на поле битвы, я не знаю. Считаю это просто с его стороны глупой выходкой.

Книжка послана мне была Фишером для сбора на костел в гор. Тобольске, но я по ней ничего не собрал.

Показал я справедливо, в чем и подписуюсь

Ksiedz Piotr Sciegienny własna reka podpisał (Ксендз Петр Сцеген-
ный собственною рукою подписал).

Допрашивал и. д. судебного следователя Синельников.

Присутствовал корпуса жандармов подполковник Комаров.

ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 1141, лл. 75–77.

Подлинник. Рукопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

СПЕЦПОСЕЛКИ В МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (в скобках – количество спецпоселенцев)

ГАЙНСКИЙ РАЙОН.

Керос (21), Ломовка (13), Лаимшер (117), Верх-Весляна (14), Усть-Черная (17), Усть-Дозовка (151), 18 кладбище (15), Дозовский механизированный лесопункт (80), Дедовка (?).

КОСИНСКИЙ РАЙОН.

Шудья (117), Поч-Сай (141), Усть-Коколь (69), Сосновка (100), Салым (158), Бать Пашня (116), Буждым (153).

КОЧЕВСКИЙ РАЙОН.

Усть-Онолва (409), Янчер (222), Сянор (?).

КУДЫМКАРСКИЙ РАЙОН.

Велва (247), Визяй (183).

ЮРЛИНСКИЙ РАЙОН.

Липова (165), Лопан (364), Сюрол (265), Чус (264), Сюзьва (427).

ВЕРХНЕ-ГОРОДКОВСКИЙ РАЙОН.

Ветляны (48), Барак № 39 (20), ст. Урал-Нефть, бараки в кв. 39 и в 6 км от базы МЛП Н. Хмелевки и В. Хмелевки (?), Кривое (285), Хмелиха (348), Квартал 123 (37), Квартал 50 (16).

ДОБРЯНСКИЙ РАЙОН.

Ключанка (594), Лушково (?), Никулинская база (Ворошиловский район, 800), Орлово (20), Усть-Челва (40).

КИЗЕЛОВСКИЙ РАЙОН.

Степановка (650), Завод Метил (50).

КРАСНОВИШЕРСКИЙ РАЙОН.

Песчанка (709), Красновишерский леспромхоз (140).

ЧЕРДЫНСКИЙ РАЙОН.

Мель (360), Нярезь (454, беженцы), Дресвянка (?).

ЧУСОВСКОЙ РАЙОН.

Коростелевка (486, беженцы), Тюшевский (248), Ермачиха (9), Красный Урал (266), Горка (184).

**ВСЕ ВИДЫ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Раритет-Пермь»**

ОТКРЫТЫ К СОТРУДНИЧЕСТВУ.

Телефон/факс (3422) 39-56-92.

Адрес: 614600, г. Пермь, ул. Ленина, 66, оф. 732.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Гжибовский. Зерна добра</i>	3
<i>Н. Аленчикова. Ксендз, сошедший с эшафота</i>	10
<i>Е. Харитонова. Право на благодарность</i>	16
<i>Д. Офицеров. Замурованный в Перми</i>	21
<i>В. Гладышев. Кто не знал Людвига Ивановича!</i>	27
<i>Л. Кашихин, Л. Перескоков. И архитектор, и актер... ..</i>	34
<i>В. Семенов. ...и реформатор театра</i>	45
<i>В. Семянников. На пользу Пермского края</i>	49
<i>Е. Харитонова. Просветитель</i>	54
<i>Л. Обухов. Будриса объявили главарем</i>	66
<i>В. Гладышев. Трижды реабилитирован</i>	75
<i>Г. Терпиловский. Запоздалая молитва</i>	100
<i>В. Гладышев. На краю Европы</i>	101
<i>В. Гладышев. «Пристань всяких инородств»</i>	103
<i>В. Сборовский. Польское присутствие</i>	109
<i>Приложение</i>	119

ПЕРМСКИЕ ПОЛЯКИ

Издатель – ООО «Раритет-Пермь» (Лицензия серии ИД № 00820).

Телефон/факс (3422) 39-56-92.

Генеральный директор – С. Барков.

Главный редактор – В. Кадочников.

Художник-дизайнер – В. Городов.

Редактор-составитель – В. Гладышев.

Набор текстов – А. Боронин.

Корректурa – Л. Сенькина, ИПК «Звезда».

Издание осуществлено при поддержке Фонда помощи полякам на Востоке (Варшава), Российского Союза профессиональных литераторов, предприятия инженерных работ (директор Гжегож Гжибовски, г. Новый Двур, Польша), отца Эугениуша Калвы (Австрия), администрации Пермской области.

В книге использованы фотографии отца Анджея Гжибовского, Владимира Гладышева, Александра Лыжина и прихожан Церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии.

Подписано в печать 28.03.2001. Формат 70×100/₃₂.

Бумага ВХИ. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,2. Тираж 2000 экз.

Заказ № 1192.

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».

614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Книга, подготовленная нами к печати, достаточно необычна. Это сборник очерков о замечательных деятелях прошлого, о людях, которых объединяет то, что они оставили заметный след в истории Перми, а также то, что все они были польского происхождения: отец Сцеженный и святой Рафаил Калиновский, архитекторы Карвовский и Турчевич-Глумов, просветитель Пиотровский, музыканты Винарский и Терпиловский... Наверное, их можно называть по-разному: кого-то – пермскими поляками, кого-то – польскими пермяками, в зависимости от того, кто сколько прожил на Пермской земле. Попадая в суровые условия чужого поначалу места, каждый из них проявил большую силу духа и, несмотря ни на какие невзгоды и испытания, жил с верой в душе, стремился делать добрые дела окружающим их людям.

О. А. Гжибовский

Настоятель отец Андрей ГЖИБОВСКИЙ.

Издательство "Раритет-Пермь"